

Национальный исследовательский институт

Высшая школа экономики

На правах рукописи

Селюгина Полина Борисовна

**Внутренний образ прародителей в
структуре личностной идентичности**

19.00.01

Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
психологических наук

Научный руководитель

Доцент,

кандидат психологических наук

Овчинникова Юлия Германовна

Москва-2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1.1 ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА СУЩНОСТИ КОНЦЕПТА «ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»	11
1.2. ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	25
1.3. СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	34
ГЛАВА 2. РОЛЬ ПРАРОДИТЕЛЬСКИХ ФИГУР В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ	42
2.1 ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МЕСТЕ ПРАРОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ РЕБЕНКА	42
2.2 ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РОЛИ ПРАРОДИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ	49
3 ГЛАВА. ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ ОБРАЗОВ ПРАРОДИТЕЛЕЙ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	60
3.1 АРХИТЕКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫБОРКА	60
3.2 МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	66
3.2.1 ОПРОС РОДИТЕЛЕЙ И ПЕДАГОГОВ О ВКЛЮЧЕННОСТИ ПРАРОДИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕСС ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЯ ВНУКОВ	66
3.2.3 БЕСЕДА	67
3.2.4 ГЕНОСОЦИОГРАММА	67
3.2.5 ТЕСТ «КТО Я» (М. КУН, Т. МАКПАРТЛЕНД)	68
3.2.6 ТЕСТ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (Д.А. ЛЕОНТЬЕВ)	70
3.2.7 ОПРОСНИК «ОБЗОР ЦЕННОСТЕЙ» (Ш. ШВАРЦ)	71
3.2.8 МЕТОДИКА «СЕМЕЙНАЯ ДОСКА»	73
3.3 АНАЛИЗ ДАННЫХ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ	75
3.3.1. ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕПЕНИ ВКЛЮЧЕННОСТИ ПРАРОДИТЕЛЕЙ В ВОСПИТАНИЕ ВНУКОВ	75
3.3.2 КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ	80
3.3.3 КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	118
ЛИТЕРАТУРА	124
ПРИЛОЖЕНИЯ	135

Введение

Непрерывная изменчивость социального пространства современного мира задает новые требования к личности. Чтобы успешно реализовать себя в социальной, профессиональной, творческой среде, достичь поставленных целей и быть успешным, современному человеку необходимо быстро адаптироваться к условиям постоянно меняющегося внешнего мира, обладать хорошо сформированной субъектной позицией. Современное общество характеризуется возросшей социальной мобильностью, проявляющейся как в постоянных перемещениях в социальном пространстве, так и в частой смене социальных ролей. В данном контексте особенно остро встает проблема формирования личностной идентичности, являющейся одним из важнейших факторов развития личности и психологического здоровья. Однако в связи с нестабильностью социальной ситуации, окружающей личность, помимо проблемы построения и поддержания идентичности появляется необходимость избежать ее чрезмерной ригидности.

Актуальность исследования. Необходимость сохранять целостность и следовать социальным нормам характеризует личностную идентичность как сложный динамический конструкт, заключающий в себе, на первый взгляд, конфликтные, разнонаправленные аспекты. Личность сталкивается с проблемой сохранения целостности с одной стороны и успешной адаптацией к стремительно меняющимся социальным условиям с другой. В современной психологической науке стоит задача изучения и разрешения данной проблемы. Помимо этого зачастую, обращаясь к

вопросу формирования и становления личностной идентичности, авторы акцентируют внимание на особенностях подросткового возраста, однако, формирование идентичности – не статический процесс обретения одной единственно верной формы.

Не менее актуальным, особенно для нашей страны, является вопрос о влиянии расширенной семьи на формирование личностной идентичности. Проблема влияния семьи на становление личности получила широкое распространение в психологии. Практически все психологические школы так или иначе изучали данный вопрос, посвятив ему множество исследований (З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни, Э. Эриксон, Я. Морено, А. Шутценбергер, Э. Берн, Дж. Мид, И. Кон и т.д.). Однако под влиянием семьи на личность чаще всего понимается аспект детско-родительских отношений, что на наш взгляд, является недостаточным. Зачастую, в российской семье, характеризующейся расширенным составом и спутанностью семейных ролей, воспитание детей делегируется прауродителям. Тем не менее специфика влияния на развитие личности этих очень значимых для ребенка людей крайне мало изучена. На данный момент в отечественной и зарубежной психологии не существует готовой модели влияния прауродительской семьи на формирование личности и, в частности, личностной идентичности, что мы считаем серьезным пробелом. Данная работа посвящена исследованию этих, бесспорно, значимых отношений между прауродителями и внуками, выявлению векторов воздействия прауродителей на формирование, актуализацию и изменение базовых аспектов личностной идентичности.

Целью исследования является изучение внутренних образов прауродителей в структуре личностной идентичности.

Гипотезы исследования:

1. Актуализация внутреннего образа прародителей активизирует смещение ценностно-смыслового и социо-ролевого аспектов личностной идентичности в сторону социально приемлемых и одобряемых моделей;
2. Актуализация внутренних образов прародителей способствует усилению позитивного самоотношения.

Для достижения цели и проверки гипотез в работе были поставлены следующие **задачи**.

Теоретические задачи исследования:

1. В ходе рассмотрения философских и психологических концепций идентичности определить сущностные характеристики данного феномена;
2. На основе теоретического анализа литературы выделить структурные компоненты личностной идентичности;
3. Проанализировать современное состояние изучения проблемы роли прародителей в формировании и становлении личности, в частности личностной идентичности.

Эмпирические задачи исследования:

1. Исследовать устное народное творчество с целью изучения образов прародителей в русской культуре;
2. Изучить степень включенности прародителей в процесс воспитания внуков;
3. Разработать программу качественного исследования, направленного на выявление и изучение влияния актуализации внутренних образов прародителей на структуру личностной

идентичности; подобрать и обосновать адекватность используемых методических средств;

4. Изучить и описать психологическое содержание феномена изменения структурных компонентов личностной идентичности в условиях актуализации внутренних образов прародителей.

Объектом исследования выступает личностная идентичность.

Предмет исследования – изменения в структурных компонентах личностной идентичности, происходящие в условиях актуализации внутренних образов прародительских фигур.

Методологическая база работы включает труды эго-психологов (Э. Эриксон, Дж. Марсиа), раскрывающих понятие личностной идентичности, способов ее формирования и развития; работы представителей системной семейной терапии (А. Варга, Дж. Хейли, Б. Хеллингер), описывающих особенности функционирования семьи как целостной системы; а также мультисубъектную теорию В.А. Петровского, рассматривающую личность как многообразие субъектных форм существования и развития, а инобытие индивида как его идеальную представленность и продолженность в других людях.

Методы исследования. В соответствии с поставленной целью и задачами, выдвинутой гипотезой и методологическими основаниями была разработана программа исследования, предполагающая 3 этапа: первый – изучение степени значимости прародителей и их включенности в процесс воспитания внуков на материале опроса родителей, педагогов и детей старшего дошкольного возраста, а также на основе изучения культурного материала (западно-европейские и

русские сказки); второй - исследование собственно личностной идентичности; третий – изучение личностной идентичности в условиях актуализации внутренних образов прародителей. Второй и третий этап исследования представляли собой индивидуальные встречи с каждым испытуемым, в ходе которых были использованы следующие методики:

1. Полуструктурированная беседа;
2. Цветовая геносоциограмма (А. Колломб, А. Шутценбергер);
3. Тест «Кто Я» (М. Кун, Т. Макпартленд);
4. Опросник «Обзор ценностей» (Ш. Шварц);
5. Тест смысло-жизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев);
6. Модификация методики «Семейная доска» (К. Людевиг).

При первой встрече с участниками проводилась полуструктурированная беседа, в ходе которой исследователь знакомился с семейной историей испытуемого, после чего предлагалось заполнить ряд опросников. Тест «Кто Я» был использован для изучения ролевых установок испытуемого. Изучение ценностно-смыслового аспекта было выполнено с помощью опросника «Обзор ценностей» и теста СЖО. Таким образом, целью первого этапа являлось формирование представления о семье испытуемого и особенностях структурных компонентов его личностной идентичности.

Вторая встреча с респондентами начиналась с построения цветовой геносоциограммы и обсуждения семейной истории индивида. В ходе обсуждения истории семьи акцентировалось внимание на прародителе, который, по мнению испытуемого, оказал наибольшее влияние на развитие его личности. После актуализации воспоминаний, связанных с прародителем, испытуемому предлагается

представить, что выбранный прародитель находится рядом с ним и заново заполнить указанные выше опросники. К описанным выше методикам добавлялась еще одна – модификация методики К. Людевига «Семейная доска» с целью исследования личностного пространства и его изменения в зависимости от «присутствия» фигур матери и значимого прародителя. Для валидации данных исследования нами была введена группа сравнения: все испытуемые заполняли опросники «Кто Я» и «Обзор ценностей» в условиях актуализации материнского образа. В исследовании приняли участие 30 человек, 15 мужчин и 15 женщин в возрасте от 22 до 32 лет.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечены исходными методологическими и теоретическими позициями, адекватностью использованных методов исследования, их соответствием цели и задачам работы, обоснованным применением качественной обработки результатов, представительностью выборки.

Теоретическая значимость и научная новизна работы состоит в дальнейшей разработке проблем структуры личностной идентичности и процесса ее становления. В результате анализа концепций идентичности в философии и психологии были выделены дихотомические характеристики, раскрывающие суть личностной идентичности. В работе определены и описаны структурные компоненты идентичности. Понятие «бабушка и дедушка» рассматривается как значимый для российской культуры социальный феномен. Были изучены непосредственные эффекты актуализации внутренних образов прародителей, выявлены векторы и характер

изменений структурных компонентов идентичности как результат этой актуализации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных в индивидуальной психотерапевтической работе со взрослыми и детьми, а также в рамках семейной терапии. Результаты работы могут быть использованы в учебных курсах по психологии личности, психологии развития, общей психологии. Возможно использование данных не только в психологической, но и в педагогической практике в качестве ориентиров для педагогов в ходе работы не только с родителями воспитанников, но и со старшим поколением. Данные могут быть полезны и в социальной работе с семьей. Работа предлагает методический аппарат для диагностики структурных компонентов личностной идентичности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Личностная идентичность обладает рядом дихотомических характеристик: «внутренняя согласованность и соответствие социальным ожиданиям», «постоянство и изменчивость», «целостность и адаптация», раскрывающих ее сущностный динамический характер;
2. Актуализация внутреннего образа прародителя способствует выражению позитивному самовосприятию;
3. Актуализация внутреннего образа прародителя вызывает смещения ценностно-смысловых ориентаций в структуре личностной идентичности в сторону социально одобряемых.

Апробация и внедрение материалов диссертации. Результаты работы обсуждались на XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007», Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010», III Всероссийской научной конференции «Психология индивидуальности», IV Всероссийской научной конференции с иностранным участием «Психология Индивидуальности». Также работа была представлена на научном семинаре на кафедре общей и экспериментальной психологии на факультете психологии НИУ ВШЭ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух теоретических и одной эмпирической глав, выводов, заключения, перечня литературы (110 источников, из них на иностранных языках 16) и 14 приложений. Основной текст диссертации изложен на 123 страницах и сопровождается 2 рисунками и 14 таблицами.

Глава 1. Методолого-теоретический анализ понятия «личностная идентичность»

1.1 Философско-психологическая трактовка сущности концепта «личностная идентичность»

Проблема идентичности занимает важное место в современных исследованиях и психотерапевтических дискуссиях. Однако большинство академических трудов посвящено проблемам социальной, этнической идентичности и становлению личностной в юношеском возрасте. Развитие идентичности в зрелости по-прежнему остается мало изученным. В данной работе представлен обзор развития взглядов на проблему идентичности в философии и психологии. Именно философские концепции задают модусы рассмотрения сущности данного феномена, закладывают противоположные полюса. Полученные в ходе теоретического экскурса выводы проясняют основные вехи в динамике идентичности в зрелом возрасте.

Согласно философскому подходу, идентичность (или сходство) состоит в том, что делает объект определяемым и распознаваемым с точки зрения обладания рядом качеств или особенностей, которые отличают этот объект от объектов различного типа [Абушенко, 2003].

Ф. Brentano представлял идентичность как «соответствие, мыслимое в совершенстве» [Абушенко, 2003]. С точки зрения логики, идентичность неразрывно связана с понятием тождества и предполагает не только операции абстракции отождествления, но и абстракции неразличимости. Следовательно, понятие тождества

можно интерпретировать как неотличимость объектов друг от друга по ряду (или совокупности) свойств.

Связь понятий идентичности и тождества прослеживается еще со времен античной философии. В аристотелевской традиции понятие тождества надделено большим фундаментальным значением, нежели понятие различия. В Новое время Р. Декарт проинтерпретировал это соображение как субстанциальность *cogito* [Абушенко, 2003]. Позже эта идея нашла свое развитие в трансцендентализме, в особенности в «философии тождества» Ф. Шеллинга [Кузнецов, 1989]. Шеллинг трактует идентичность как тождественность, а точнее, самотождественность, структур «чистого» мышления, идеального «Я». Идентичность в этом случае представляется как данность, она очевидна для познающего субъекта. Таким образом, для этого направления философии идентичность осталась «непроблемной» сферой. Актуализация этого вопроса как раз и потребовала пересмотра «доминанты тождества», характерной для классической философии. Х. Ортега-и-Гассет комментирует этот момент, подчеркивая, что немецкая трансцендентально-критическая философия представляла активность духа как фиксированную «неподвижность» [Ортега-и-Гассет, 1991]. Идеи в классической философии трактуются как телесные реальности, а сами эти реальности как идентичности.

В неклассической философии проблематика идентичности представлена в трудах М. Хайдеггера [Абушенко, 2003]. Идентичность в его философии трактуется как всеобщность бытия. Всякое сущее, в представлении М. Хайдеггера, тождественно самому себе. Одновременно всякое сущее тождественно всякому другому сущему. Этот подход исключает не только различие как иное бытие,

но и изменение. Схожие идеи в понимании идентичности можно найти у Э. Гуссерля. В его представлении, через трансцендентальную редукцию можно перейти к самотождественному («чистому») сознанию как таковому [Melchert, 2006].

В психологической традиции эти положения были сформулированы в представлении идентичности как внутренней сущности, ядра личности, тесно связанного с ценностно-смысловой системой [Юнг, 1994; Франкл, 1990]. Стремление к обретению идентичности отражает стремление к целостности, интеграции противоположностей.

Существует также другая трактовка идентичности в классической философии, принадлежащая Иоанну Дунсу Скоту [Апполонов, 2011]. В его теории каждый объект представляет собой общую природу и ограничивающую ее «этовость» (*haecceitas*), определяющую индивидуальность объекта, его качественное своеобразие. Впоследствии концепция была дополнена понятием «чтойности» М. Шелера и понималась как раскрытие самости в ее соотнесенности с Другим.

Ю. Хабермас связывает эту линию трактовки идентичности с именем Г. Лейбница, который, по его мнению, впервые показал, что «каждая самопрезентирующаяся субъективность сосредоточена на самой себе и представляет мир как целое своим собственным уникальным способом» [Хабермас, 1992, с. 44]. В дальнейшем становление представлений о проблеме связано с анализом соотнесенности «Я» и «не-Я» у И. Фихте и идеями ответственности и внутреннего выбора С. Кьеркегора. Отметим, что именно этим идеям обязано сосредоточение внимания подлинности бытия в контексте проблематики идентичности. К тем же результатам, хотя и иным

путем, приводит традиция Дж. Локка, связавшая понятие «идентичности» с понятием ответственности человека за совершаемые поступки на основе памяти о них [Абушенко, 2003].

Следующим шагом в разработке концепции идентичности следует считать тезис Д. Юма о конституировании идентичности не из самости человека, а «извне», т.е. из общества. В такой трактовке идентичность поддерживается за счет имени, репутации, славы через имя, репутацию, славу и т.д., поскольку в представлениях Д. Юма «Я» — это всего лишь «пучок восприятий» и не более того. Фактически в это время впервые были выдвинуты тезисы о формировании идентичности в пространстве культуры и общества. Человек в этой традиции находит себя через внешнее, вне себя самого, в своей деятельности и в этом отношении «создает себя» [Melchert, 2006].

Данная философская линия отразилась в психосоциальном понимании личностной идентичности, согласно которому идентичность — это не столько внутренняя целостность, сколько результат согласования, баланса между потенциальной целостностью, личностными смыслами и ценностями общества, представленными в том числе и в признании значимыми Других.

Наиболее ярко данную позицию обозначил Э. Эриксон, определив идентичность как «осознание того, что синтезирование Эго обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое представляется значимым другим в непосредственном окружении» [Эриксон, 1996, с. 59]. Автор раскрывает психосоциальную сущность, выделяя четыре аспекта: сознательное чувство индивидуальной идентичности, бессознательную борьбу за непрерывность личностного характера,

критерий эго синтеза, поддержание внутренней солидарности с идеалами и идентичностью группы.

В аналитической традиции сходное содержание отражено в понимании Персоны [Стайн, 2007]. Э. Эриксон интересовался идеями К.Г. Юнга и развил его представления об отношениях Эго – Персона.

В отечественной литературе данная точка зрения поддержана, например, Е.Т. Соколовой, которая определяет самоидентичность как «устойчиво переживаемую тождественность Я во времени и пространстве; она предполагает аутентичность самовосприятия, высокий уровень интеграции частных динамических и противоречивых образов Я в единую связанную систему, благодаря чему оформляется и сохраняется устойчивым, обобщенным и целостным индивидуально-личностное самоопределение, поддерживаемое и разделяемое общностью значимых других» [Соколова и др., 2001, с. 4].

Таким образом сама концепция личностной идентичности поднимает проблему противостояния и возможности сосуществования целостного «Я» и идеалов и требований социума. Эта идея нашла отражение в диалогической философии, в частности в работах М.М. Бахтина, сформулировавшего идею вневходимости человека, согласно которой подлинное Я всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с Другим. Таким образом, две линии, противостоявшие в классической философии дискурсу тождества в понимании идентичности, совпали в XX в. в постклассической перспективе [Melchert, 2006]. Понятие целостности вошло в пространство Диалога.

Психологические исследования поддерживают данную точку зрения. Так, социальная взаимозависимость рассматривается как

условие здоровой идентичности [Олпорт, 2002], утверждается необходимость социального признания и объединения с окружающим миром и людьми [Фромм, 1990], отмечается роль значимого Другого в формировании идентичности [Мелибруда, 1986; Скрипкина, 2000]. Данные представления позволяют нам говорить, что противоположности *«внутренняя согласованность – соответствие социальным ожиданиям»* обрели жизнь в едином пространстве.

В постструктуралистско-герменевтической традиции дискуссии об идентичности стали средством переоценки и даже преодоления наследия классической и частично неклассической философии [Melchert, 2006]. Так, идентификация здесь трактуется как практики означивания и самообозначения индивидуальности, где эта индивидуальность конституирует человека как Я в его отличности от «тела» и «личности» через ограничение выбора из многообразия (множественности) возможного. Таким образом, идентичность становится не фиксируемой реальностью, а некой длящейся «проблемой». Целостность человека оказывается не данной ему при жизни самому себе. Авторство собственной личности спорно, так как «законченность» целостности человека, с одной стороны, ограничивается рождением и смертью (и здесь идет речь о представленности «телом»), а с другой, эта целостность может быть реализована только в пространстве диалога.

Данная мысль стала основой психологических представлений об идентичности, согласно которым она динамична, претерпевает изменения, которые носят как эволюционный, так и революционный, кризисный характер. Подчеркивается процессуальность идентичности [Бьюдженталь, 1998; Эриксон, 1996]. Еще У. Джеймс выделил в качестве базовых характеристик идентичности континуальность,

созидательное начало и непрерывность при постоянной изменчивости [Джеймс, 1991]. Идентичность представляется как ощущение стабильности и непрерывности, с одной стороны, и витальности и спонтанности - с другой [Welch, 1968].

Таким образом в самой сущности идентичности заложена вторая пара противоположностей, это *единство постоянства и изменчивости*. С одной стороны, личностная идентичность обеспечивает непрерывность восприятия себя, с другой стороны, необходимо признать наличие динамики, постоянной корректировки, включение новых элементов, выключение старых с последующим новым синтезом.

У. Джеймс, анализируя новое состояние души, обретенное после разрешения религиозного кризиса, обнаружил, что при общей прочности и постоянстве отдельные чувства внутри состояния могут быть изменчивы [Джеймс, 1991]. К.Н. Поливанова отмечает: «Человек, сформировавший идентичность, оказывается самождественным, он остается самим собой независимо от ситуации действия, но он одновременно и адекватен ситуации, не теряя при этом своего лица» [Поливанова, 2000, с. 80]. На этом основании выявляется третья пара – *проблема целостности и адаптации*, это было подготовлено философской традицией, но сформулировано в рамках психологического знания, в первую очередь, в эго-психологии и аналитической психологии.

Развитие представлений об идентичности в эго-психологии основывается на трудах Х. Хартманна. Он предложил различать Эго — психическую подструктуру, функциями которой являются саморегуляции и адаптации к окружению, и Я (self) — совокупность психических представителей личности о себе. Таким образом, мы

говорим об Эго в рамках приспособления индивида к реальности, а Я в контексте непосредственного переживания личностью собственной целостности [Хартманн, 2002].

Однако классиком в разработке проблемы эго-идентичности является Эрик Эриксон, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность личности [Эриксон, 1996]. Таким образом, ключевыми моментами идентичности являются константность самовосприятия, единство временной перспективы, а также совпадение саморепрезентаций с восприятием личности другими людьми.

Э. Эриксон описывает эго-идентичность как трехуровневую структуру, где временная протяженность является атрибутом индивидуального уровня, личностный уровень сопровождается ощущением собственной уникальности, а на социальном уровне личность принимает социальные, групповые идеалы и стандарты [Эриксон, 2000]. На основании этого разделения в современной психологии сформировались понятия личностной и социальной идентичности. Если под первым чаще понимается совокупность индивидуальных характеристик, «особость личности», то второе определяет принадлежность личности к той или иной социальной общности [Яшина, 2007]. Решающую роль здесь играет не то, к какой социальной группе принадлежит человек, а то, с какой группой он отождествляет себя. В настоящее время многие психологи склонны рассматривать два этих вида идентичности не как полярные, а напротив, взаимодополняющие друг друга, ссылаясь на то, что личностная идентичность социальна по своей природе [Ядов, 1994; Иванова, Румянцева, 2009; Антонова, 2010; Орлова, 2010; Шакурова, 2012].

Операционализацию понятия идентичности осуществил Дж. Марсиа, предложив статусную модель идентичности. Таким образом в определении и обозначении трех уровней (Эриксон) и четырех статусов (Марсиа) предполагается, что идентичность отражает внутреннюю целостность (уникальность) и является способом адаптации к обществу (принятие социальных идеалов) [Marcia, 1993].

Дж. Мид усилил акцент на адаптивной роли идентичности, введя аспект “Me” и разделение на осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Последняя основывается на принятых неосознанно нормах, заключающихся в требованиях социальной группы, к которой принадлежит данная личность. Вопрос соотношения внешних и внутренних детерминационных сил решается Мидом путем введения двух аспектов идентичности: «I», определяющего человека как индивидуальность, как реагирующего на социальную ситуацию сообразно своим особенностям, и «Me», определяющего человека как подчиняющегося социальным требованиям и моделям реагирования [Мид, 1998].

В дальнейшем идея о различных типах идентичности была развита И. Гоффманом, который выделил три вида идентичности: социальную, личную и Я-идентичность [Goffman, 1963]. Р. Фогельсон предложил различать четыре вида идентичности: реальную (самоотчет индивида), позитивную (идеальную), негативную и предъявляемую идентичность (трансляция образа другим). Различные виды идентичности состоят в определенных отношениях друг с другом [см.: Антонова, 1996]. У обоих авторов четко прослеживается идея об идентичности как о посреднике между уникальностью человека и группой или обществом в целом.

Ряд идей интеракционистов о природе идентичности был перенят представителями когнитивной психологии. Так, идея о двух аспектах идентичности – ориентация на социум и на уникальность личности – воплотилась в теории социальной идентичности Х. Теджфела и Дж. Тернера. По мнению исследователей, идентичность – это когнитивная система, функция которой состоит в регуляции поведения сообразно внешним условиям. Эта система, в свою очередь, включает подсистемы личностной и социальной идентичности. Под личностной идентичностью понимается самоопределение на основе физических, интеллектуальных, нравственных характеристик, тогда как социальная идентичность определяется конкретными идентификациями на основе социальных категорий [см.: Антонова, 1996]. В данных работах учет внешних условий представлен в максимально ясной форме.

Экзистенциально-гуманистическая традиция возвращает нас к взгляду на идентичность как на внутреннюю сущность и ощущение своего Я, своей целостности. Дж. Бьюдженталь различает подлинную, процессуальную, изменчивую и внешнюю, приобретенную извне, ригидную идентичность. Идентичность для него – это процесс постоянного ощущения своего Я, а также принятие себя как данности [Бьюдженталь, 1998].

Интересное развитие данные идеи получили в современной аналитической психологии [Стайн, 2007; Kast, 1991]. Аналитики развивают представление К.Г. Юнга, согласно которому личностная идентичность развивается от адаптации в первой половине жизни к целостности во второй половине жизни. Адаптация к окружающим условиям и общественным нормам, направленность на социальные достижения, изменчивость ролей и идентификаций укрепляет силу Я.

В дальнейшем этот процесс позволяет перейти к осознанию и принятию тех аспектов Я, которые ранее вызывали тревогу и вытеснялись, а также реализовать личностные смыслы, идущие вразрез с общепринятыми ценностями.

Однако исследования в рамках юнгианской психологии в основном посвящены проблемам развития идентичности в среднем возрасте и во второй половине жизни. Более развернутое представление о динамике идентичности до 35–40 лет дают психоаналитически ориентированные авторы, кляйнианцы и эго-психологи. Так, М. Малер указывает на тот факт, что у истоков формирования личностной идентичности мы обнаруживаем процесс выхода из целостности (представленной в форме слияния с матерью). Младенец в своем развитии движется от симбиотической фазы к фазе сепарации-индивидуации. Это длительный процесс, происходящий поэтапно и включающий формирование стабильных внутренних репрезентаций, дифференциацию Я, а после сравнение и различение этих репрезентаций [Малер, Мак-Девитт, 2005]. Психологи-практики отмечают важность прохождения сепарационного процесса в становлении здоровой идентичности, указывая на частые случаи переноса симбиотических отношений клиента с родителем в собственную семью и вследствие этого невозможность выстраивания здоровых отношений [West, 2004].

В рамках эго-психологии (Дж. Марсиа, Х. Хартманн, Э. Эрикссон) рассматривается собственно формирование идентичности в юношеском возрасте, поскольку оно основано на определении ролей и вписывании себя в окружающий мир. Молодые люди должны заявить свое «я», определить центр сознания и завершить сепарацию, найти свою социальную нишу [Marcia, 1993]. Многие цели имеют социально

значимый характер. Доминирует вера в постоянный прогресс. Этот оптимистичный миф часто превращается в персональный план достижения успеха. Таким образом идентичность в юношеском возрасте больше отвечает задачам адаптации [Хартманн, 2002; Эриксон, 1996]. Целостность представлена открытием идеи собственной самотождественности. Интеграция и структурирование ролей означает, что бóльший вес имеет согласованность личностных и социальных норм и ценностей.

Мало исследованным остается период первой зрелости. Современные юнгианцы говорят об отделении от прежней героической идентификации юности, разотождествлении с психосоциальным аспектом и подготовке к трансформации личности в середине жизни [Стайн, 2007; Kast, 1991; Овчинникова, Яксина, 2009].

Иной акцент делают эго-психологи, подчеркивая значимость продуктивности, заботы об обществе и следующем поколении. По мнению Э. Эриксона, состояние поглощенности собой и личными потребностями представляет негативный полюс [Эриксон, 1996; Erikson, 1959]. Следует особо отметить, что период первой зрелости как таковой не выделяется, Эриксон говорит о зрелости в целом, подразумевая огромный этап жизни от 26 до 64 лет. В современных психологических исследованиях выделяется новый возрастной этап «формирующейся зрелости» [Arnett, 2000]. Безусловно, перед психологией стоит задача дифференцировать отдельные этапы зрелого возраста и выявить их закономерности.

Таким образом, мы видим две противоположные тенденции: начало разотождествления с психосоциальным аспектом (юнгианская психология) и его развитие. Попробуем примирить эти позиции.

Внутреннюю задачу первой зрелости можно сформулировать как необходимость осознать свои ограничения и возможности, разотождествить свое Я и атрибуты [Овчинникова, Яксина, 2009]. Адаптация удерживается в фокусе внимания, однако она осознанно и на бессознательном уровне соотносится с целостностью, человек совершает выборы, видя оба полюса.

В классических работах Эриксон описывал идентичность как конфигурацию, которая путем синтеза и ресинтеза Эго устанавливается на протяжении всего детства. Однако, на наш взгляд, идентичность обладает подвижностью, гибкостью, что позволяет ей трансформироваться в течение всей жизни. Идентичность как динамическое образование рассматривается в работах П. Рикёра, где он пишет о повествовательной или нарративной идентичности, колеблющейся между самостью и тождественностью. Тождественность, в понимании философа, - есть «перманентность неизменной субстанции», «числовая идентичность», неизменная во времени и присущая характеру [Рикёр, 2008, с. 174]. Самость же есть «качественная идентичность», открытая изменениям и самоизменениям [Рикёр, 2008, с. 145].

Большое внимание исследователей привлекает развитие идентичности в середине жизни (40 лет), так как в это время психика по-прежнему очень подвижна и активна. Данный период сравнивают с подростковым возрастом: человек переживает подвешенность собственной идентичности, неопределенность, что позволяет пересекать внутренние границы и запретные рубежи [Стайн, 2007]. В то же время возникает вопрос об ограничениях, которые задает возраст и предыдущие жизненные выборы. Человек обнаруживает себя между мечтами и реальностью и оказывается перед задачей

«рокового десятилетия» – отделить прежнюю идентичность, ориентированную на социальные нормы [Kast, 1991].

Представители различных психологических школ сходятся во мнении, что решение данной задачи связано не с ростом или установлением чего-либо, а с вопросом о смысле [Франкл, 1990]. Смысл открывается в развитии тех сторон себя, которые раньше были скрыты, находились в подчиненном положении или носили только потенциальный характер [Юнг, 1994]. Таким образом, вторая половина жизни знаменуется поворотом от адаптации к целостности.

Проведенный обзор концепций идентичности в философии и развития философских идей в рамках психологического знания позволил выделить дихотомические характеристики, раскрывающие сущность личностной идентичности. Данные пары «внутренняя согласованность – соответствие социальным ожиданиям», «единство постоянства и изменчивости», «проблема целостности и адаптации» не только отражают сложный, а порой конфликтный характер идентичности, но и задают направление ее развития.

Данный взгляд на проблему идентичности формирует иное представление о развитии личности. Согласно культурно-исторической традиции, развитие личности осуществляется через кризисы, т.е. через разрушение прежней структуры и появление новообразований [Выготский, 1984]. Однако понимание идентичности как структуры, содержащей в себе противоположности, которые не исключают друг друга, а находятся в отношениях взаимодополнения, позволяет говорить о развитии личности как о процессе трансформации.

1.2. Типология личностной идентичности

Личностная идентичность не является универсальной структурой, и учеными были предприняты попытки выделения определенных типов идентичности. Наиболее структурированная классификация была предложена Дж. Марсиа. Он определяет идентичность как «структуру эго — внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории», предложил статусную модель идентичности, для построения которой использовались два параметра: во-первых, наличие или отсутствие кризиса (состояния поиска идентичности), и, во-вторых, наличие или отсутствие единиц идентичности (лично значимых целей, ценностей и убеждений) [Цит. по Кранц, 2007]. Выделенные Марсиа типы можно представить в виде таблицы:

Таблица 1

Типы личностной идентичности (по Дж. Марсиа)

		Пережит ли кризис	
		да	нет
Принято ли решение	да	<i>Достижение идентичности</i>	<i>Предрешенность</i>
	нет	<i>Мораторий</i>	<i>Диффузия идентичности</i>

1. Достигнутая идентичность, появляющаяся у человека, прошедшего период кризиса и сформировавшего определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений. Такой человек знает, кто он и чего он хочет, и соответственно структурирует свою жизнь. Таким людям свойственно чувство доверия, стабильности, оптимизм в отношении будущего. Свои цели, ценности и убеждения такой человек переживает как личностно значимые и обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни.

2. Мораторий. Вслед за Эриксоном Марсиа использует этот термин по отношению к человеку, находящемуся в состоянии кризиса идентичности и активно пытающемуся разрешить его, пробуя различные варианты. Такой человек постоянно находится в состоянии поиска информации, полезной для разрешения кризиса.

3. Преждевременная идентичность (предрешенность) у человека, который никогда не переживал состояния кризиса идентичности, но тем не менее обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений. Содержание и сила этих элементов идентичности могут быть такими же, как у людей, достигших идентичности, различен лишь процесс их формирования: у людей с преждевременной идентичностью её элементы формируются на раннем этапе жизни в результате идентификации с родителями или другими значимыми людьми.

4. Диффузная идентичность характерна для людей, которые не имеют прочных целей, ценностей и убеждений и не пытаются активно сформировать их. Они или никогда не находились в состоянии кризиса идентичности, или оказались неспособными решить возникшие проблемы. Люди в этом состоянии могут

чувствовать апатию, тоску, отчуждение, тревогу и т.д. [Marcia, 1966; Marcia, 1993; Хьелл, Зиглер, 1997].

Существование данных статусов имеет множество эмпирических подтверждений. Более того, были проведены исследования, изучавшие связь описанных статусов идентичности с моделями взаимоотношений в семье. Так оказалось, что при диффузной идентичности отношения с родителями оцениваются как эмоционально холодные, дистанцированные, наибольшая степень конформности наблюдается под влиянием группы сверстников. Их позиция выглядит так: «Мои родители лишь изредка интересуются моими планами на будущее, а свою будущую профессию я собираюсь получить с другом (подругой) за компанию». Предрешенный статус характеризует отношения с родителями как весьма тесные вплоть до полного руководства в ситуации принятия решений, порой выбор будущей профессии – это продолжение дела своих родителей. В статусе моратория человек стремится к самостоятельному принятию решений вплоть до конфликтов со значимыми другими, в его семье наблюдается более высокий уровень конфликтности. По всем, даже незначительным, вопросам мнение ребенка и родителей диаметрально противоположно. Достигнутая идентичность характеризуется низким уровнем конфликтности в семье. При принятии семейного решения родители, по мнению ребенка, с пониманием выслушивают и учитывают его мнение. Тот или иной вид идентичности проявляется через наблюдаемые паттерны поведения в проблемных ситуациях, ситуациях социального выбора. Решение каждой, даже незначительной жизненной проблемы вносит определенный вклад в достижение идентичности [Кранц, 2007].

Р. Фогельсоном [Fogelson, 1982] была предложена модель «борьбы идентичностей». По его мнению, в человеке происходит борьба между четырьмя видами идентичности: реальной идентичностью («я сегодня»), идеальной («каким я хочу быть»), негативной («каким я не хочу быть») и предъявляемой (набор образов, которые индивид транслирует другим людям с тем, чтобы повлиять на оценку ими своей идентичности). Человек старается приблизить реальную идентичность к идеальной и максимизировать дистанцию между реальной и негативной идентичностью. Это достигается путем манипулирования предъявляемой идентичностью в социальном взаимодействии.

На базе обобщения различных классификаций идентичности и собственных исследований Н.В. Антоновой была предложена следующая модель типологии идентичности [Антонова 1996, Антонова 1997]:

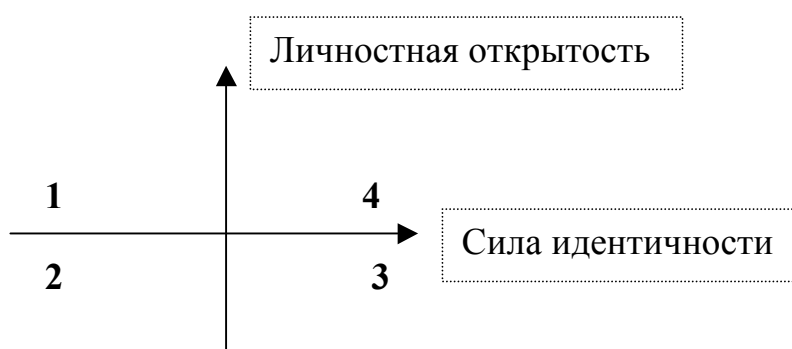

Рисунок 1 – Типология идентичности Н.В. Антоновой

В данной модели выделяются два базовых критерия идентичности: сила идентичности (наличие сформированности самоопределений в различных жизненных сферах) и личностная открытость (готовность к изменению идентичности). Таким образом,

классификация Антоновой предполагает наличие следующих типов идентичности:

- 1 тип (открытый слабый). Кратко его можно охарактеризовать как состояние поиска. Тип, близкий к понятию моратория в классификации Марсиа;
- 2 тип (закрытый слабый). Конфликтный тип, определяющийся самоощущением неадекватности жизненному контексту и одновременно высокой ригидностью. Данный тип можно рассматривать как расширенный вариант диффузии идентичности по классификации Марсиа;
- 3 тип (закрытый сильный). Защита наличного «Я» при отсутствии внутренней конфликтности;
- 4 тип (открытый сильный). Готовность к дальнейшим изменениям в сочетании с устойчивым ощущением «Я». Тип соответствует здоровой, сформированной личностной идентичности.

Основным отличием представленных выше типологий является тот факт, что Марсиа определял типы идентичности в зависимости от успешности прохождения психосоциального кризиса идентичности. Понятие кризиса было введено Э. Эриксоном для описания периодов, в которых возникает конфликт между сложившейся к данному моменту конфигурацией элементов идентичности с соответствующим ей способом «вписывания» себя в окружающий мир и изменившейся биологической или социальной нишей существования индивида. Каждый кризис содержит как негативный, так и позитивный моменты: если конфликт разрешен удовлетворительно, эго вбирает в себя новый компонент (сильную сторону), если же, напротив, конфликт не решён,

развивающемуся эго наносится вред, в него встраивается негативный компонент. Для выхода из кризиса, индивид должен приложить определенные усилия, с тем, чтобы найти и принять новые ценности и виды деятельности. Эриксон выделял восемь стадий развития личности, каждая из которых имеет свою центральную проблему, требующую разрешения, и выбора одной из двух возможностей [Эриксон, 1996]:

1. «Базовое доверие/недоверие к миру» (Надежда);
2. «Самостоятельность/стыд сомнения» (Воля);
3. «Инициативность/чувство вины за любознательность и активность» (Целенаправленность);
4. «Трудолюбие, созидание/чувство собственной неполноценности» (Компетентность);
5. «Идентичность/ролевое смешение» (Верность);
6. «Интимность/изоляция» (Любовь);
7. «Творчество/сосредоточенность на себе» (Забота);
8. «Цельность/безысходность» (Мудрость).

Взгляды Эриксона на периодизацию идентичности подверглись впоследствии критике. Так Кон отмечает: «Понятие «зрелой идентичности» и сами его критерии многомерны и неоднозначны. Выбор профессии и идеологическое самоопределение подростка сплошь и рядом происходят не одновременно. Кроме того, индивидуальное развитие зависит от многих социальных факторов. Например, работающие подростки достигают «зрелой идентичности» раньше, чем учащиеся» [Кон, 1988, с. 117].

В контексте данной работы наиболее важными является седьмая стадия, которую Эриксон описывает как борьбу генеративности и стагнации. Он подчёркивает важность связи поколений и зависимости старшего поколения от младшего, которую часто не удостоивают должным вниманием. На этой стадии личность нуждается в признании своей значимости, в одобрении со стороны своих потомков. Генеративность, в понимании учёного – это заинтересованность в устройстве жизни нового поколения, забота о его развитии и становлении [Эриксон, 1996; Эриксон, 2000]. Там, где этот интерес не возникает, его замещает регресс к потребности в псевдоинтимности. Регрессирующая на этой стадии личность относиться к себе как к собственному ребёнку. Порой результатом такой заботы о себе становится ранняя психологическая или физическая инвалидность. Необходимо подчеркнуть. Что сам факт наличия детей не означает обладания генеративностью.

В зрелости личность приходит к осознанию ответственности за сделанные ранее выборы. Однажды по зову сердца выбрав профессию и спутника жизни, теперь человек становится зависимым от среды обитания, профессиональных компетенций, обязательств перед семьей. На этом этапе необходимо, рефлексировав способ жизни и деятельности, определить своё место в жизни. Г. Бовенсипен описывает взросление как стадию индивидуации, дающую личности второй, чтобы справиться с трудностями, берущими свое начало в младенчестве [Feldman, 1996]. Перед зрелой личностью в полной мере встаёт задача самореализации и самоактуализации. Необходимо выработать новое качество, если его не было ранее – гибкость, эмоциональную и духовную. Эмоциональная гибкость особенно важна сейчас, когда умирают родители и дети покидают дом. Духовная гибкость означает открытость для новых взглядов и идей,

возможность творческого подхода к решению проблем [Учебное пособие по возрастной психологии, 2003].

Личности необходимо осознать своё вступление во взрослую жизнь, прощание с юностью и юношескими надеждами. Этот период может быть очень травматичен, и здесь мы вновь встречаемся с кризисом идентичности. Временная потеря самоидентичности в этом возрасте разрешается через нахождение своего места в новой ситуации развития. А результатом кризиса этого возраста является выработка нового образа Я, переосмысление прежних целей и ценностей.

Первые итоги подводятся примерно в 30 лет, когда определяются дальнейшие перспективы роста и определяются направления, в котором развитие невозможно. Уотеринг называет эту фазу «подтверждением и сличением найденных основ жизни» [Цит. по Ливехуд, 1994, с.132]. В юности все дороги кажутся открытыми, но с наступлением зрелости приходит необходимость выбора своего пути на основе уже полученного опыта. Р. Штайнер определяет это время развитием «рассудочной души»: на передний план выходит умение обобщать, анализировать, интерпретировать, логически определять пути движения [Ремшмидт, 1994]. Многие ценности и цели, принесённые ещё из семьи или нажитые в период юности, проходят проверку на пригодность в новой жизненной ситуации. Человеку необходимо пересмотреть все ранее усвоенные им роли и отсеять те, что больше не способствуют его развитию. По мнению Юнга, эти процессы могут задерживаться из-за того, что родители еще живы. В таком случае период юности может чрезмерно затянуться [Юнг, Стадии жизни. URL: <http://jungland.narod.ru/Library/Stadii.htm>]. Взросление является конфликтной фазой процесса индивидуации,

когда жажде обретения автономии и индивидуальности противостоит регрессивный порыв остаться ребенком [Feldman, 1996].

Задержка процессов взросления также может иметь иную причину. Современные авторы высказывают мнение об изменении границ подросткового и зрелого возраста. Так по словам Дж. Арнетта, за последние пол века в жизнь молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет в индустриальном обществе кардинально изменилась. Вместо создания семьи в 20-23 года большинство молодых людей теперь откладывают вступление в брак и рождение детей по крайней мере до 28-30 лет, и посвящают это время самоисследованию, экспериментируя в любви и работе. По сути, Арнетт говорит о создании нового этапа развития между подростковым возрастом и ранней зрелостью. Данная концепция получила широкое распространение в научном сообществе, а описанный выше период получил в русском переводе название «зарождение зрелости (взрослости)» [Arnett, 2000].

Арнетт объясняет смещение границ зрелости культурно-историческими факторами. Он указывает на тот факт, что когда-то у людей не было периода детства как такового. Затем у подростков не было возможности прожить свою юность, поскольку им со школьной скамьи приходилось окунаться во взрослую жизнь с ее проблемами, требованиями и ответственностью. Арнетт рассматривает формирование нового этапа как позитивный феномен и показатель развития общества. Именно на этапе «зарождения зрелости» у личности появляется возможность самоисследования, определения своих истинных стремлений. Он описывает данный этап как «время возможностей», когда человек может реализовать любое будущее, он свободен в выборе [Арнетт, 2000, с. 479].

1.3. Структура личностной идентичности

Неповторимость личности возможна за счет ее ограничения, то есть определения ее границ, контраста, а иногда и прямого противопоставления другому. Через дистанцирование субъекта, ограничение его жизненного пространства возможна актуализация личности как сформированной и четко выраженной данности. Тогда возникает вопрос, что позволяет определить личность как единственную в своем роде, уникальную по своей сути, неделимую и целостную, каковы структурные компоненты личностной идентичности.

А. Ватерман в своих работах делает акцент на ценностно-волевом аспекте развития идентичности [Хьелл, Зиглер, 1997]. Он считает, что идентичность связана с наличием у человека четкого самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений. Именно они являются элементами идентичности и формируются в результате выбора среди различных альтернативных вариантов в период кризиса.

А. Ватерман выделяет процессуальную и содержательную стороны идентичности. Это, во-первых, означает, что процесс формирования и существования идентичности охватывает средства, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения. Во-вторых, идентичность невозможно рассматривать без учета содержательной специфики целей, ценностей и убеждений, которые человек выбирает. На основе этого А. Ватерман выделяет четыре наиболее значимые сферы жизни: 1) профессия; 2) религиозные и моральные убеждения; 3) политические взгляды; 4) социальные роли, включая половые роли и ожидания в отношении

супружества и родительских отношений. Важно также отметить, что, согласно данной модели, развитие идентичности не является линейным процессом, оно может идти вспять, возвращаясь на более низкий уровень. Даже имея достигнутую идентичность, человек может вновь испытать кризис и ввергнуться в диффузное состояние [Хьелл, Зиглер, 1997].

Согласно теории идентичности Г. Брейкуэлл, базовыми компонентами идентичности как психологического феномена являются три измерения: содержательное, оценочное и временное. Содержания всех трех изменений не являются статичными, трансформируясь и развиваясь в процессе жизни. Автор выделяет две формы идентичности: социальную и личностную, где последняя развивается на основе первой, а затем начинает активно влиять на нее. В противовес этому взгляду теоретик социальной идентичности Х. Тэджфелл представляет социальную и личностную идентичность как противоположные полюсы единого континуума, их одновременная актуализация таким образом является невозможной [Tajfel, 1979].

Продолжая рассуждение о структурных компонентах идентичности, приведем простое и красиво определенное идентичности Бьюдженталь, подчеркивающее его значимость в жизни личности: «Я часть всех людей (всего, что существует), и я отдельный индивид, отделенный от всех людей (и от всего существующего). Я должен осознавать обе части, если хочу полностью ощущать себя живым» [Бьюдженталь, 1998, стр. 163]. В данном определении Дж. Бьюдженталь указывает на очень важную характеристику идентичности: он рассматривает идентичность как качество жизни личности. Этому же взгляда на идентичность придерживался и Эриксон [Эриксон, 1996]. Обладая идентичностью,

человек воспринимает свою жизнь как целостную. Здоровая идентичность является показателем индивидуальности, одной из задач которой, в свою очередь, является обогащение культурного потенциала развития «Я» и самоидентичности других индивидуальностей [Психология индивидуальности: Новые модели и концепции, 2009]. Баумайстер, определяя функциональные аспекты идентичности, подчеркивал, что понимание собственной идентичности позволяет реализовать свой потенциал, выстроить структуру приоритетов и ценностей, определить жизненные цели и задачи, оформить жизненный путь [Заковоротная, 2004].

Говоря об особости, отделенности от всех, индивидуальности и уникальности каждого человека, Бьюдженталь показывает ценностный аспект идентичности, восприятие самотождественности как жизненной ценности, как важной части ощущения себя. С другой стороны он говорит о включенности в социум, в общественные отношения, о принадлежности к человечеству. Социальный человек наделен ролями, моделями поведения, характерными для его страны, культуры, профессиональной общности, семьи. Во взаимодействии с другими людьми на разных жизненных планах заключается ролевой аспект личностной идентичности.

Таким образом в структуре личностной идентичности можно выделить следующие базовые аспекты:

- 1. Ценностные ориентации.** Ценностная структура личности представляет собой как общечеловеческие нормы и принципы, так и индивидуальные ценности, являясь сочетанием абсолютных и относительных значимостей. В истории изучения проблемы ценностей авторами ставятся различные акценты. Так А. Маслоу выделяет дефицитарные (гомеостатические)

ценности и бытийные ценности (ценности саморазвития) [Маслоу, 1999]. В работах В. Франкла рассмотрены «ценности творчества», «ценности переживания» и «ценности отношения», задающие три направления поиска смысла жизни [Франкл, 2000; Франкл, 2009]. Д.А. Леонтьев определяет ценность как «идеальную модель должного», наделяя ее смыслообразующей функцией, и характеризует ценности как устойчивые, обобщенные мотивационные образования [Леонтьев Д.А., 2000]. Ценности субъекта В.Н. Мясищев вводит ценности в поле субъект-объектного взаимодействия, обозначая их как план личностных отношений [Сурженко, 2011]. А.Г. Здравомыслов и В.А. Ядов предлагают термин «ценностные ориентации», определяемый как установка личности «на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества» [Здравомыслов, 1996, с. 197-198]. Ценностные ориентации имеют иерархическую структуру и указывают направленность личности [Давыдов, 1975]. Особо стоит отметить двойственный характер ценностей: они социальны в силу исторической обусловленности и индивидуальны, поскольку являются носителями опыта конкретной личности [Сурженко, 2011].

- 2. Ролевые ориентации.** Роль (социальная роль) понимается в психологии как социально нормированное поведение человека, занимающего определенное положение в группе [Большой психологический словарь, 2003, с. 479]. Социальная роль фиксирует положение, занимаемое индивидом в системе общественных отношений. Данный концепт представляет собой «нормативно одобренный образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию» [Кон, 1967]. Таким образом социальная роль определяет связь личности с

социальными видами деятельности, которые, однако, не предписаны и зависят от степени интериоризации роли личностью. За счет этого социальные роли приобретают уникальную личностную окраску. Каждая роль включает в себе диапазон возможностей исполнения, что выражается в индивидуальном стиле исполнения роли. Ролевые предписания оказывают значительное влияние на поведение человека (эксперименты Зимбардо), что в критическом варианте проявляется как слияние с Персоной [Стайн, 2010]. Интериоризированные социальные роли являются одним из базовых компонентов самовосприятия личности, задавая возможности и способы самопредъявления.

3. **Личностные смыслы.** Смысл является системообразующим компонентом личностной идентичности. В классических научных трудах смысл понимается как жизненная задача, способ осуществления себя [Франкл, 2009]. Смысл – есть способ интерпретации жизни, в которой основной функцией личности является поддержание личностного смысла [Ройс, Пауэлл, 1982]. Смыслообразование упорядочивает содержания сознания, интегрируя действия в единое переживание потока [Чиксентмихайи, 1998]. В отечественной психологии смысл рассматривается как одна из образующих сознания, являясь эмоционально-оценочным и действенным образованием одновременно [Леонтьев А.Н., 2008]. Смысл видится ученым как единица, содержание сознания и бессознательного [А.Ю. Агафонов, 1998]
4. **Личностное пространство и физическое «Я».** Физическое присутствие в пространстве личности, наделенной определенными внешними (видимыми) характеристиками,

является важным аспектом личностной идентичности. Как пишет У. Джеймс: «В каждом из нас телесная организация представляет существенную часть нашей физической личности, а некоторые части нашего тела могут быть названы нашими в теснейшем смысле слова» [Джемс, 1982, с. 62]. Продолжая размышления, он к физической части личности относит также одежду, семейство («плоть от плоти»), домашний очаг и произведения кровного труда; личность человека, согласно ученому, включает все, что он может назвать своим. Леви рассматривает физический образ тела как часть половой идентичности, оказывающей значительное влияние на личностную идентичность и основанный изначально на идентификации по внешним признакам [Зинченко, Леви, 2005]. Под категорией личностного пространства понимается реально существующее вокруг человека физическое пространство, переживаемое как «свое». Нарушение границ этой территории воспринимается как угроза безопасности «Я». Чаще всего проблема личностного пространства изучается в контексте других психологических феноменов, таких как свобода личности, психологическое жизненное пространство, психология влияния и т.д. [Мозговая, 2002]. Э. Холл выделяет четыре психологические зоны, окружающие каждого человека: интимная, личностная, социальная и публичная дистанции [Hall, 1966]. Личностное пространство является носителем ряда жизненно необходимых функций: оно обеспечивает неприкосновенность личности, сохранение и поддержание ее идентичности, способ самопрезентирования.

5. **Временная перспектива.** Время является одним из ключевых аспектов построения межличностных и внутриличностных

отношений, характер выстраивания временной перспективы определяет цели и способ их достижения [Болотова, 2012]. На значимость категории времени в структуре личностной идентичности указывали многие ученые (Э. Эриксон, Г. Брейкуэлл, Ю. Хабермас, Л. Шнейдер, В.В. Нуркова, В.В. Козлов, Е.П. Белинская). Аспект прошлого, представленного в идентичности инетриоризациями оценок и ролевых моделей значимых других, интроецированными фигурами родителей и т.д., рассматривается в психоаналитическом и транзактном направлениях, а также в интеракционизме. Будущее время находит свое отражение в идеальном «Я» в соотношении с «Я» реальным [Роджерс, 2008]. Проживание собственного «Я» здесь и сейчас, в модусе настоящего, рассматривается в работах Ф. Перлза, А. Минделла, трансперсонально-ориентированные исследователей. Интегративная психология представляет оппозиционный характер «отношений» человека со временем [Григорьева, 2008].

Ядром структуры является ценностно-смысловой компонент, на базе которого развиваются ролевые модели поведения и восприятие тела и личностного пространства. Временная перспектива, будучи интегральным понятием, связывает воедино ценностные и ролевые установки прошлого, настоящего и будущего «Я».

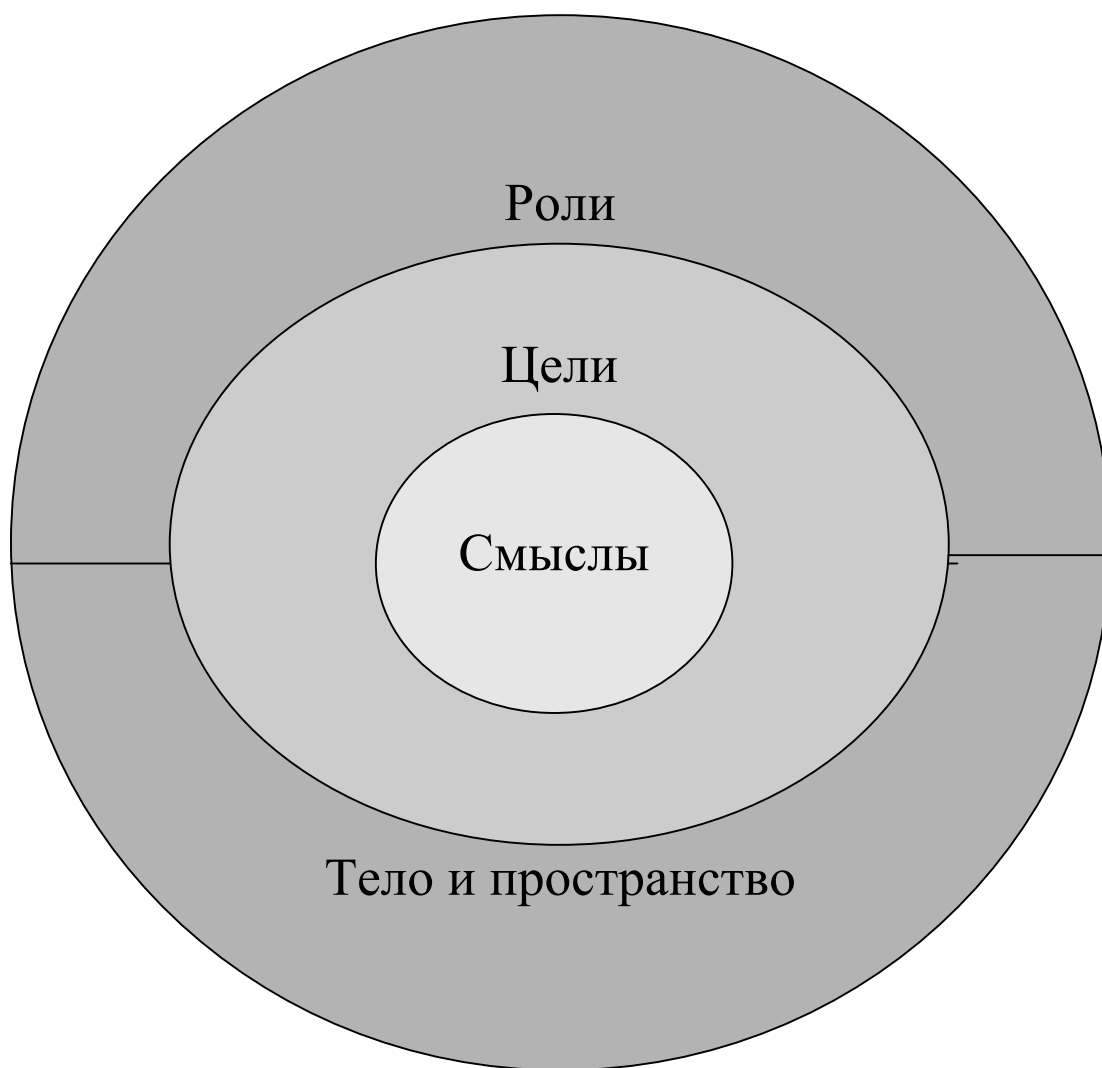

Рисунок 2 – Структура личностной идентичности

Глава 2. Роль прародительских фигур в становлении личности

2.1 Общее представление о месте прародительской семьи в воспитании ребенка

«Первая идентичность, с которой встречается ребенок и усваивает ее – это семейная идентичность, семейное «Мы» - пишет В.В. Столин [Столин, 1983, с. 154]. С самого рождения ребенок окружен вниманием родителей, он чувствует общность с ними. Так В. Д. Шадриков, рассуждая о зарождении внутреннего мира личности, пишет, что уже эмбрион реагирует на события внешнего мира и на состояние своей матери, но в этот период живет с ней «одной жизнью» [Психология развития, 2005, стр. 139]. В первые 2-3 месяца жизни младенец переживает свои состояния и связывает их с матерью.

По мнению Е.Т. Соколовой, семейные отношения – это генетически первичная матрица всех человеческих отношений. В этой матрице личностная идентичность возникает впервые, а ее структура «удерживается» в человеке на всю жизнь [Соколова, 2001]. Семейная социализация является одним из самых важных социальных процессов, в которые погружается ребенок с момента своего рождения. Это с одной стороны, подготовка к будущим семейным ролям и, с другой стороны, влияние семьи на формирование социальной компетентности индивида. Эти механизмы выполняют также две стабилизирующих функции: по вертикали – между поколениями, и по горизонтали – между социальными группами [Соколова, 2001].

Многими учеными признается ведущая роль семьи в становлении и формировании личности. Семья, являясь первым социальным институтом в жизни ребенка, создает базис всех последующих отношений с другими людьми. Рассуждая о проблеме влияния семьи на личность, мы чаще всего имеем в виду характер и направленность детско-родительских отношений, однако, семейная система включает в себя значительно большее число элементов. Российская семья в свою очередь обладает рядом отличительных особенностей, таких как слитность, крайнюю близость членов семьи друг к другу, проявляющуюся как в ролевом аспекте, так и в выделении собственной позиции, своего «Я». Семья выступает в этом контексте единым организмом, в котором заключены все ее члены. Следовательно, необходимо рассматривать семью, выходя за рамки триады мать-отец-ребенок. С позиции ребенка семью можно представить как семь «Я»: родители, сам ребенок и две прародительские семьи (бабушки и дедушки).

Издавна воспитание детей поручалось прародителям. Бабушки и дедушки были для внуков «старшими родителями». По мере взросления помимо ухода и присмотра на бабушку и дедушку возлагалась обязанность приобщения ребенка к духовному миру взрослых. Исследования показывают, что именно прародители первыми учили детей молитвам. Пожилые люди традиционно были основными носителями информации о прошлом, хранителями знаний и опыта предыдущих поколений. Именно они, обладая мудростью и прозорливостью, могли направить развитие ребенка в нужное для общества русло. С течением времени изменилась структура общества, однако, роль бабушек и дедушек в семье по-прежнему велика.

Взаимодействие поколений можно рассматривать в следующих аспектах: как историческое и культурное явление; как психологическое наследование; а также как личные отношения прародителей внуков. С историко-культурной позиции в традиционных обществах образ старого человека всегда был тесно связан со сферой жизненного опыта, его накопления и передачи. Механизмы общественного бытия, такие как обычаи, традиции, преемственность, предполагают уважение к прародителям и их высокий авторитет. Однако стоит отметить, что характер взаимоотношений между поколениями меняется с течением времени.

М. Мид различает три исторических типа культур: постфигуративные, кофигуративные и префигуративные [Мид, 1988]. В культурах первого типа, так называемых, традиционных или патриархальных, изменения происходят постепенно. Прародители, глядя на внуков, представляют их будущее идентичным своей жизненной истории. Образ старого человека здесь выступает законченным образцом естественного образа жизни. Его прошлое – это модель будущего его детей и внуков, а отношения между поколениями регламентированы.

В культурах конфигуративного типа все поколения находятся на равных позициях. Дети и взрослые учатся у равных себе, у своих сверстников, соответственно, влияние старшего поколения значительно уменьшается. Расширенная семья сменяется нуклеарной, традиции и обычаи ставятся под сомнение, большую роль в воспитании играют юношеские субкультуры. Повышается значение юношеских групп, возникает особая молодежная субкультура.

В префигуративных культурах взрослые учатся у своих же детей. Такие культуры, по мнению Мид, возникли с середины XX столетия в

период стремительного развития информационных технологий. В такой культуре образ жизни старшего поколения не определяет модели поведения детей. Темп появления и обновления знаний настолько высок, что даже маленькие дети обладают большей информацией, чем их бабушки и дедушки, а зачастую и родители. В этой связи обостряются межпоколенные конфликты, а молодежная культура ставится в противовес традиционной.

В современном мире, в условиях постоянно увеличивающегося темпа развития информационных технологий знания и опыт старшего поколения часто не соответствует требованиям настоящего времени, а традиционный уклад иногда становится неэффективным и даже вредными в силу совершенно изменившихся социальных законов. Авторитет старших уже не может в полной мере служить главной точкой отсчета для молодежи. В то же время средняя продолжительность жизни сейчас примерно в полтора раза выше, чем сто лет назад, что формирует ситуацию сосуществования нескольких поколений в течение длительного периода времени. Если не решать задачу эффективности и гармоничности этого существования, смещать акцент исключительно на традиционно установленные нормы поведения или же, напротив, лишь на прогресс и отказ от всего устаревшего, конфликт между поколениями неизбежен. Уважение и признание мудрости старших должно подкрепляться осознанием ценности инноваций. Более того, современные бабушки и дедушки нашей страны в большинстве своем озабочены судьбой своих детей и внуков, воспринимая их проблемы как собственные. Они активно вовлечены в проблемы семьи, соотносят свои цели и планы с целями и планами молодых, стремятся помочь и поддержать.

В контексте сказанного выше, понятие «бабушки и дедушки»

стоит рассматривать не только в качестве конкретных личностей, но и как очень значимого для российской культуры социального феномена. В определенной степени в нашем обществе существует институт «приходящих бабушек»: выполняющих роль няни (уход, присмотр) и гувернантки (сопровождение в школе, помощь с уроками и т.д.). Часто именно прасемья (обычно бабушка) осуществляет уход за внуками, берет на себя ответственность за него и его будущее, взаимодействует с внешними организациями по вопросам воспитания и обучения ребенка.

Закономерным является вопрос о том, насколько необходима помощь прародителей и могут ли современные родители обойтись без нее. Как было сказано выше, в современной российской семье велика эмоциональная и материальная зависимость. Семья часто не является самодостаточной, у молодых родителей нет средств и возможностей для содержания ребенка. Отсутствие опыта воспитания детей и постоянная необходимость принимать ответственные решения — еще одна причина обращения к прародителям за помощью. Таким образом, во многих семьях прародители играют роль «держателя семьи» - человека, который в наибольшей степени ощущает и несет на себе ответственность за перспективы семьи и будущее детей.

Функции бабушек и дедушек в семье также значительно отличаются от функций родителей. Отношения внуков с прародителями характеризуется более открытым проявлением чувств с обеих сторон [Психология семейных отношений, 2002]. Прародители чаще сочувствуют, сопереживают ребенку, более откровенно демонстрируют свою поддержку и понимание. Бабушки и дедушки берут на себя обязанности домашнего психотерапевта, включаясь в решение семейных конфликтов, регулируя отношения

между внуками [Панкова, 1998].

Бабушки и дедушки являются носителями семейной истории, истории рода. Они чаще родителей рассказывают внукам о детстве родителей и своей юности. Включая ребенка в единую историю семьи, прародители способствуют формированию прочной семейной идентичности [Крайг, Бокум, 2005]. Помимо семейных ценностей транслируется также и культурный капитал среды, в которой выросли прародители. Рассказы о прошлых поколениях выстраивают готовые модели ролевого взаимодействия в семье, предлагая ребенку определенные типы семейных взаимоотношений, формируя его представление о «нормальной» семье и способах внутрисемейного взаимодействия.

Однако передача семейной культуры не обязательно ведет к повторению жизненных сценариев и стратегий старших поколений. Знание семейной истории расширяет поле возможностей ребенка в ситуации выбора посредством приобщения опыта прошлых событий к актуальному социальному опыту семьи. Это позволяет более эффективно ориентироваться в изменяющейся социальной ситуации и принимать наиболее оптимальные решения. В то же время интеграция опыта предыдущих поколений способствует формированию целостной временной перспективы.

Бабушки и дедушки в прямой и метафорической форме (например, через сказки) транслируют набор жизненных ориентаций и ценностей, этических принципов. Знакомя внуков со сказочными сюжетами или историями реальной жизни, прародители так или иначе демонстрируют приемлемые и неприемлемые с их точки зрения модели поведения, акцентируют внимания на актуальных для них ценностных ориентациях.

Прародители создают для ребенка защитную среду от жестких воздействий внешнего мира, где внук может чувствовать себя в безопасности и проявлять собственную активность. Бабушки и дедушки меньше родителей заинтересованы в успехе внуков, однако, больше заинтересованы в их счастье. Именно поэтому рядом с прародителями у ребенка появляется возможность жить своей собственной жизнью, а не исполнять предписанные родительские сценарии и воплощать их несбывшиеся мечты. Во взаимодействии с прародителями у ребенка есть возможность экспериментировать, используя различные модели межличностных взаимоотношений. В безопасном пространстве прародительской семьи ребенок исследует проблемы дистанции, внутренних и внешних границ, степени контроля и манипулятивного воздействия. Прародители создают для внуков зону вариативного развития: общаясь с родителями и прародителями, ребенок воспринимает разные взгляды, разные точки зрения на одни и те же поступки и явления. В последствии это поможет вставать на позицию другого, учитывать чужое мнение, легче воспринимать критику.

Суммируя вышесказанное, можно выделить следующие функции прародителей:

- Трансляция семейной истории. Обеспечивает преемственность между поколениями, формирует прочную семейную идентичность и ролевую модель семьи
- Духовно-нравственное развитие. Передача духовных знаний, семейных ценностей, базовых смыслов.
- Медиация. Помощь в разрешении семейных конфликтов, поддержка всех членов семьи в кризисных ситуациях.
- Интеграция. Прародители являются символом постоянства

семьи, ее энергетическим центром и защищают семью от угрозы распада.

Необходимо с сожалением отметить, что в большинстве научных трудов, посвященных проблеме влияния прародителей на развитие личности ребенка, подчеркивается негативный контекст передачи невротических моделей функционирования семьи. Это можно объяснить лишь большей заинтересованностью научного сообщества решением проблем личности в состоянии кризиса, нежели рассмотрением особенностей нормального функционирования семьи.

2.2 Подходы к изучению роли прародителей в развитии личности

Влияние прародителей на личность ребенка можно рассматривать в двух аспектах: *опосредованное* влияние на внука и *непосредственное* «живое» воздействие. Первая позиция предполагает трансляцию ценностей, смыслов, установок, ролевых и поведенческих моделей опосредованно через родительское воспитание. Предполагается, что родители, получив в детстве определенный набор паттернов и установок, транслируют его своим детям, передавая его таким образом «по наследству». Этой позиции посвящено большинство научных трудов, связанных с проблемой влияний и воздействия прародителей на внуков. Рассмотрим теории, наиболее ярко отражающие данный взгляд.

Так К.Г. Юнг рассматривал «коллективное бессознательное» в качестве одной из составляющих структуры человеческой личности. Этот глубокий слой личности представляет собой хранилище следов памяти наших исторических предков, причем, может быть, не только

людей, но и еще более древних эволюционных предшественников. «Коллективное бессознательное» наследственно предопределено и одинаково для всего человечества, оно содержит архетипы – первичные модели восприятия и поведения [Юнг, 1991; Юнг, Отношения между Я и бессознательным. URL: <http://jungland.ru/node/1493>].

Швейцарский психолог Л. Сонди рассматривает «родовое бессознательное» как форму психической наследственности. Человеком движет стремление реализовать притязания своих родителей, дедов, прадедов. Наиболее ярко это проявляется в поворотные моменты жизни, имеющие судьбоносный характер, такие как выбор профессионального пути или спутника жизни. По мнению автора, личность, решая важнейшие вопросы самоопределения, не является свободна, поскольку в своем лице представляет род, своих праотцов, делегировавших ему «поручения» [Психология семейных отношений, 2002].

Близки к данной позиции идеи о роли «родительского программирования» в судьбе человека транзактного аналитика Э. Берна. Он вводит понятие жизненного сценария - постепенно развертывающегося жизненного плана, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей. «Этот психический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора» [Берн, 2004]. Сценарии основываются на родительском программировании по трем причинам. Во-первых, оно дает ему жизненную цель, которую без родительского образца пришлось бы отыскивать самому. Во-вторых, программирование дает приемлемый способ структурирования времени. В-третьих, ребенку

надо указывать, как поступать и делать те или иные вещи, так как не всегда практически учиться на своих ошибках. Родители, программируя жизнь своих детей, передают им свой опыт, все то, чему они научились, в том числе научились от своих родителей. Таким образом, сценарии наследуются внуками через призму родительских установок [Гулдинг Р., Гулдинг М., 2007].

Происхождение многих жизненных сценариев можно проследить, исследуя жизнь прародителей тех семей, у которых прослеживается в письменном виде вся история их предков наподобие того, как это делается у королей. Тогда можно заглянуть в глубь времен и посмотреть, насколько дедушки и бабушки, живые или покойные, воздействуют на жизнь своих внуков. Известно, что многие дети в раннем возрасте обязательно хотят быть похожими на своих родителей. Это желание оказывает воздействие на их жизненные сценарии, но нередко вносит трудности во взаимоотношения между родителями ребенка [Панкова, 1998, с. 55].

Передача сценария может осуществляться при двух условиях. Ребенок должен быть способен, готов и расположен к восприятию сценария, а у родных должно быть желание передать его ребенку. Ребенок способен к восприятию сценария, поскольку его нервная система построена как программирующаяся: она воспринимает стимулы и строит из них устойчивые модели поведения. И хотя родители не могут заставить ребенка принять какие-либо сценарные решения, они могут оказывать на эти решения значительное влияние. «С первых же дней жизни ребенка родители адресуют ему какие-то послания, на основе которых он делает определенные умозаключения о самом себе, других людях и мире в целом. Эти сценарные послания могут быть вербальными и невербальными. Они образуют ту

содержательную структуру, в ответ на которую ребенок принимает главные решения по поводу своего сценария» [Панкова, 1998, с. 285].

Представитель позитивной психотерапии Н. Пезешкиан, указывает на важность психологического «наследия» человека и влияния происхождения на формирование идентичности. Автор пишет о «семейных концепциях», которые определяют правила отношений к людям и вещам: от одного поколения к другому передаются не столько материальные блага, сколько стратегии переработки конфликтов и формирования симптомов, структуры мировоззрения и структуры отношения, которые переходят от родителей к детям. Эти концепции формируются из критических переживаний, религиозных и философских идей. Далее они усваиваются детьми и вновь транслируются следующему поколению [Пезешкиан, 2009].

Трансгенерационная и межгенерационная семейная терапия интерпретирует возникновение деструктивных семейных представлений как развитие текущих трансакционных паттернов в ряду поколений, выделяя два типа их передачи: межгенерационная (семейные привычки, ритуалы) и трансгенерационная передача (тайна, о которой не говорят) [Шутценбергер, 2001].

Межпоколенческая семейная терапия Дж. Фрамо рассматривает трудности, с которыми в данное время сталкивается клиент в браке, родительстве, а также трудности интрапсихического характера, рассматриваются как компенсационные усилия, направленные на то, чтобы контролировать, исправлять и переживать старые конфликтные отношения, существовавшие в родительской семье клиента [Frano, 1972].

Э. Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис обращают внимание на патологизирующее семейное наследование, характерное для дисфункциональных семей как формирование. Оно определяется передачей неэффективного эмоционально-поведенческого реагирования от прауродителей к родителям, далее к детям и внукам и т.д. Ригидные, иррациональные, жестко связанные между собой убеждения, заимствованные у представителей старшего поколения, формируют личность, малоспособную к адаптации, страдающую пограничными нервно-психическими расстройствами [Эйдемиллер, Юстицкис, 1999]. На подобную ситуацию указывает А.И. Захаров. По его мнению, родители не только неосознанно компенсируют, «... но и повторяют многие из проблем взаимоотношений в прауродительской семье, в том числе непринятие индивидуальности детей, отсутствие понимания их возможностей и потребностей и т. д.» [Захаров, 2006].

В свете такой актуальности и распространённости проблемы прауродительских влияний на личность и ее идентичность возникает необходимость анализа не только опосредованных влияний прауродителей на личность, но и изучения непосредственного воздействия на личность и его эффектов. В современной психологии существует ряд теорий, рассматривающих прямые векторы взаимодействия прауродителей и внуков. К этому направлению относятся теории системного воздействия семьи на личность, где учитываются все члены семьи, а значит, и прауродители.

Представители направления системной семейной терапии выделяют общие принципы функционирования семейных систем, а точнее, два закона семейной системы [Варга, 2001]. Закон гомеостаза – это положение о том, что всякая система стремится к постоянству. Нарушение этого постоянства всегда болезненно для всех членов

семьи, несмотря на то, что события могут быть радостными. Этот закон обладает огромной силой. Джей Хейли в своих исследованиях пришел к выводу, что благодаря стремлению не допустить ухода повзрослевшего ребенка из семьи родители способны терпеть любое психопатологическое поведение подростка [Хейли, 1998].

Второй закон – закон развития гласит: всякая семейная система стремится пройти полный жизненный цикл. Семья в своем развитии проходит определенные стадии, связанные с некоторыми неизбежными объективными обстоятельствами, такими как, например, физическое время (возраст членов семьи все время меняется). Рождение ребенка, смерть старого человека — все это существенно меняет структуру семьи и качество взаимодействия членов семьи друг с другом. В варианте типичного западного жизненного цикла семьи выделяется девять стадий [Варга, 2001]:

1. Жизнь одинокого молодого человека (стадия монады);
2. Заключение брака (стадия диады);
3. Появление первого ребенка (стадия триады);
4. Появление второго ребенка;
5. Школьные годы детей;
6. Время полового созревания детей;
7. Повторение третьей стадии, только члены диады находятся в другом возрасте (дети живут самостоятельной жизнью, а родители вновь остались вдвоем);
8. Одиночество (один из супругов умер).

Жизненный цикл российской городской семьи отличается от европейской модели. Основные его особенности в том, что:

- ✓ Семья обычно не нуклеарна, а трехпоколенна;
- ✓ Велика материальная и моральная зависимость друг от друга;
- ✓ Границы семейной системы, как правило, не адекватны требованиям оптимальной организации;
- ✓ Слитность и спутанность семейных ролей;
- ✓ Индивидуальность и суверенность практически отсутствуют.

Выделенные аспекты, характеризующие русскую семью, подчеркивают слитность, крайнюю близость членов семьи друг к другу, проявляющуюся как в ролевом аспекте, так и в выделении собственной позиции, своего «Я». Таким образом, системные воздействия прародителей в российской семье особенно сильны.

Каждый в системе имеет свое место и силу воздействия на других ее членов. С точки зрения Б. Хеллингера, к семейной системе принадлежит широкий круг лиц: ребенок, его родные и сводные живые, не родившиеся и умершие братья и сестры, родители и их братья и сестры, бабушки и дедушки и иногда кто-то из их родных братьев и сестер, прабабушки и прадедушки, неродственники (предыдущие супруги и партнеры родителей и прародителей; жертвы насилия членов семьи; люди, получившие от семьи большую прибыль или убыток) [Хеллингер, 2010].

Семейная система существует в «семейном поле». Р Шелдрейк называет это поле «морфическим» и указывает, что в нем хранится вся важная информация о системе. Таким образом любые изменения ситуации в поле отражаются на каждом участнике семейной системы. В этом смысле влияние прародителей на внуков возможно не только напрямую, но и любые изменения в отношениях прародителей и

родителей будут отражаться на семейной системе в целом и конкретной личности в частности [Шелдрейк, 2005].

Еще одним возможным вариантом оказания воздействия на личность является активность личности как отраженного субъекта. В.А. Петровский, автор мультисубъектной теории личности, выдвигает идею двойственности индивидуального «Я», в котором существует два полюса: «Мое Я», включающее субъектные и субъективные аспекты Я, а также «Мое Ты», включающее объектные и объективные аспекты Я [Петровский, 2010]. Иначе говоря, «Мое Я» - это Я как субъект, который обращается к кому или чему-либо, а «Мое Ты» - это Я как адресат этого обращения, тот, к кому мы обращаемся в диалоге с самим собой. «Мое Я» и «Мое Ты» едины, но не тождественны.

Мультисубъектная теория личности рассматривает феномены идеальной представленности и продолженности Я индивида в других людях [Петровский, 1996; Петровский, 2010]. Личность, по Петровскому, начинается с выхода за пределы приспособления, с надситуативной активности, потому что «существовать — значит: воспроизводится, повторяется, отражаться в ком-то» [Петровский, 2010, с. 224]. «Выходя за рамки» себя личность обретает отраженность, входит в пространство четырех измерений: жизни, культуры, другого и себя самого. Личность рассматривается за пределами актуальных связей с другими или совместной деятельности с ними, она погружается в пространство бытия другого. То есть в центре внимания оказывается то, как преломляются воздействия личности в другом человеке, какие «вклады» он осуществляет в личность другого как активный субъект. Под «вкладами» здесь понимается не любое воздействие, а лишь то, что является

существенным для реципиента воздействия. Эти «вклады» могут осуществляться двумя путями: направленно и ненаправленно. В первом случае субъект, оказывающий влияние, ставит перед собой задачу добиться определенного воздействия на другого. Это влияние может осуществляться открыто и прямо или же косвенно, изменяя среду в расчете на получение желаемых реакций. Оба варианта описывают известные психологии феномены социального влияния и власти. Во втором же случае у субъекта нет цели вызвать ту или иную запланированную реакцию объекта воздействия, влияние является ненаправленным, что, однако, не уменьшает его значимости. Здесь речь идет о феномене фасилитации, когда эффективность деятельности одного связана с его нахождением в контакте с другим. Эффект влияния в этом случае относится не к целям того, кто оказывает влияние, а к целям того, кто является его объектом.

«Бытие-в-другом», или идеальное бытие, выступает как относительно автономное от самого субъекта. Идеальное присутствие в другом не статично, оно рассматривается как «обладающая собственным движением идеальная модель» [Петровский, 2010, с. 211]. То есть субъект «живет» и изменяется в другом, влияя на цели, взгляды, представления другого. В.А. Петровский выделяет три формы проявления отраженной субъектности [Петровский, 2010]:

- 1) Запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Под этим понимается эффект взаимодействия между людьми как при направленном, так и при ненаправленном влиянии (прямом и косвенном);
- 2) Идеальный значимый другой. Эта форма подразумевает идеальную продолженность одного индивида в другом. Отраженный субъект воспринимается как часть личности, но не

сливается с «Я». Образ другого существует в переживании его носителя относительно автономно от переживания собственного «Я». Примеры такого переживания часто встречаются в классической литературе (Достоевский, Толстой, Пастернак и др.);

- 3) Претворенный субъект. Данная категория описывает феномен, при котором отраженный субъект настолько глубоко проникает во внутренний мир личности, что Я отражающего и Я отраженного неотделимы друг от друга. Выделяются три типа претворенного субъекта: идентификация, конфронтация (негативная идентичность), конвергенция.

Инобытие, или идеальное бытие в другом представляется не только как образ кого-либо в сознании другого, но как изменение «смысловых образований» отражающего субъекта, в которых «записаны эффекты воздействия» отражаемого [Петровский, 1996, с. 179]. «Внутренняя активность» отраженного субъекта наиболее интересна нам как с теоретической, так и с практико-исследовательской позиции в аспекте психологии идентичности.

Эриксон писал: «...с точки зрения психологии, формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности» [Эриксон, 1996, с. 30]. С одной стороны, индивид оценивает себя на основании оценки его Другими (в рамках их типологии), а с другой, оценивает суждения Других в отношении себя, основываясь на знаниях о самом себе и значимых для него типологиях. Таким образом, личностная идентичность формируется как сопоставление образа себя с представленностью, «отраженностью» в других людях. Как точно пишет Выготский:

«Через других мы становимся сами собой» [Выготский, 1983, с. 144]. В данной работе мы рассматриваем внутренние образы прародителей как активное начало в личности, способное (при их актуализации) вызывать изменения в структурных компонентах личностной идентичности, то есть в терминологии Петровского исследуем идеальную представленность в личности значимого другого.

3 глава. Исследование внутренних образов прародителей в структуре личностной идентичности

3.1 Архитектура исследования и выборка

Целью исследования является изучение внутренних образов прародителей в структуре личностной идентичности. На основании проведенного теоретического обзора проблемы личностной идентичности и характера влияния прародителей на ее структуру нами были выдвинуты следующие **гипотезы**:

- Актуализация внутренних образов прародителей способствует усилению позитивного самоотношения;
- Актуализация внутреннего образа прародителей активизирует смещение ценностно-смысловых и социо-ролевых ориентиров личности в сторону социально приемлемых и одобряемых моделей.

Для достижения цели и проверки гипотез в работе были поставлены следующие эмпирические **задачи**.

1. Провести исследование устного народного творчества с целью изучения образов прародителей в русской культуре;
2. Изучить степень включенности прародителей в процесс воспитания внуков;
3. Разработать программу качественного исследования, направленного на выявление и изучение влияния актуализации внутренних образов прародителей на структуру личностной идентичности; подобрать и обосновать адекватность используемых методических средств;

4. Изучить и описать психологическое содержание феномена изменения структурных компонентов личностной идентичности в условиях актуализации внутренних образов прародителей

Процедура исследования заключалась в следующем:

1. Инструктирование о теме и задачах проводимого исследования, о правильности заполнения методик и их конфиденциальности;
2. Количественная обработка данных в статистическом пакете IBM SPSS Statistics ver. 21.0.0.0;
3. Качественная обработка и анализ полученных данных. Составление индивидуального профиля каждого испытуемого с последующим предоставлением обратной связи;
4. Сопоставление качественных и количественных данных. Обобщенный анализ данных исследования.

Исследование проводилось в три этапа: первый – изучение степени значимости прародителей и их включенности в процесс воспитания внуков на материале опроса родителей, педагогов, детей, а также на основе изучения культурного материала (западно-европейские и русские сказки). Второй - исследование собственно личностной идентичности; третий – изучение личностной идентичности в условиях актуализации внутренних образов прародителей. Второй и третий этап исследования представляли собой индивидуальные встречи с каждым испытуемым. На первой ознакомительной встрече изучались структурные компоненты личностной идентичности. Были использованы следующие методики: полуструктурированная беседа, тест «Кто Я», опросник «Обзор ценностей» (Ш. Шварц), тест смысложизненных ориентаций. Перед

непосредственной встречей с экспериментатором испытуемому давалось общее представление об исследовании как об изучающем внутрисемейные отношения трёх поколений семьи. На первой встрече указанные выше методики предъявлялись испытуемым в их классическом варианте с оригинальной инструкцией.

На второй встрече совместно с испытуемым составлялась цветовая геносоциограмма, где в ходе беседы испытуемым выделялся наиболее субъективно значимый прародитель. В беседе акцентировалось внимание на отношениях с бабушкой или дедушкой, предлагалось актуализировать ранние и наиболее значимые воспоминания о контактах с прародителем. Далее участникам предлагалась модифицированная методика «Семейная доска», целью которой являлось исследование восприятия личностного пространства и его изменения в «присутствии» сначала матери, затем прародителя. Более подробно модификация методики описана в п. 3.2.7.

По завершению методики «Семейная доска» испытуемый при поддержке экспериментатора актуализировал внутренний образ прародителя. С этой целью использовались различные техники, такие как визуализация, воображаемый диалог. Участнику исследования предлагалась следующая инструкция: «Представьте, что Ваша бабушка/ Ваш дедушка находится рядом с нами сейчас, в этой комнате». Далее шло обсуждение того, где располагается прародитель, как он выглядит, чем занят, хотел бы испытуемый вступить с ним в диалог, и в чем содержание этого диалога. Данная процедура позволяла составить представление о внутреннем образе прародителя, характере отношений с ним, фиксировались переживания, вербальные и невербальные реакции испытуемого на воображаемое присутствие прародителя. Когда образ прародителя

получал свое «место» в актуальном пространстве испытуемого, участнику предлагалось повторное заполнение опросников: теста «Кто Я», опросника «Обзор ценностей», теста смысложизненных ориентаций. Испытуемый получал модифицированную инструкцию к каждой методике. Например, вопрос теста «Кто Я» был переформулирован как «Кто я, когда рядом бабушка/дедушка». Это осуществлялось с целью поддержания актуализированного образа прародителя в сознании испытуемого.

Этапом сравнения в исследовании выступило повторное заполнение теста «Кто Я» и опросника «Обзор ценностей» в ситуации актуализации образа матери, организованного по аналогии с актуализацией образа прародителя. Материнская фигура была выбрана нами как наиболее значимая родительская фигура. Введение дополнительного контроля обусловлено необходимостью выявления причины изменения профилей методик: были ли изменения вызваны «присутствием» любого другого человека или они обусловлены актуализацией образа именно прародителя. По завершению данного этапа с респондентами проводилась заключительная беседа с целью получения обратной связи.

Таким образом методологической базой исследования является экспериментальный метод отраженной субъектности, предложенный В.А. Петровским [Петровский, 1985; Петровский, 1996; Петровский, Грязева, 1998; Петровский, Уварова, 1998]. Суть его заключается в первоначальной оценке или измерении психологических особенностей испытуемого, которые принимаются за точку отсчета. Далее во взаимодействие с испытуемым включается другой индивид. «Мерой его (другого индивида – *прим автора*) личности служит фиксация экспериментатором степени изменения поведения и

сознания других людей, которое значимо для этих других, для их собственного самоопределения» [Петровский, 1996, с.190]. В экспериментальной практике предъявление или присутствие другого может иметь несколько форм: реальное взаимодействие другого с испытуемым; фактическое присутствие другого при проведении исследования; «материализованные репрезентации» (фотографии, голос, предметы-символы другого); воспроизведение ситуаций, в которых осуществлялось взаимодействие испытуемого с другим и т.д. В данном исследовании нами используется вариант квазиприсутствия или «мысленного присутствия» прародителя. Предложенная нами модель представляет собой качественное исследование структурных компонентов личностной идентичности в трех различных условиях: в обычном состоянии, в квазиприсутствии значимого прародителя, а также в квазиприсутствии матери респондента.

Данное исследование проводится на стыке номотетического и идеографического подходов. Согласно Г. Олпорту, в психологическом исследовании личности необходимо их сочетание и синтез, когда в изучении уникальности исследователь находит общее. Как пишет исследователь: «Общий закон может быть законом, говорящим о том, как осуществляется уникальность» [цит. по Д.А. Леонтьеву, 2002, с. 25].

Выборка. В исследовании участвовали 30 человек, 15 мужчин и 15 женщин в возрасте 23-29 лет. Данная возрастная группа была выбрана в соответствии с периодизацией психосексуального развития личности Э. Эриксона, где этому возрасту соответствует стадия интимности и начало стадии продуктивности, следующие за стадией формирования идентичности [Эриксон, 2000]. Дж. Арнетт описывает этот возраст как период «зарождающейся зрелости», когда у личности

появляется возможность самоисследования, определения своих истинных стремлений [Arnett, 2000]. Таким образом, предполагалось, что у участников исследования завершился первый этап активного становления личностной идентичности.

Все испытуемые получили высшее образование, 7 респондентов обучались на технических и 23 на гуманитарных специальностях. Большинство респондентов не женаты/не замужем (26 человек). Выборка также была уравновешена по фактору реального присутствия или отсутствия значимого прародителя в жизни респондента. 15 испытуемых выбрали для исследования образы живых бабушек или дедушек, 15 испытуемых работали с образами умерших прародителей.

3.2 Методики исследования

3.2.1 Опрос родителей и педагогов о включенности прародителей в процесс воспитания и развития внуков

Для исследования актуальности выбранной проблемы и специфики включенности прародителей в воспитание и развитие внуков нами был проведен опрос, в котором приняли участие более 100 московских семей, чьи дети посещают детские сады общеразвивающего вида, а также педагоги дошкольных учреждений. Родителям и педагогам был предложен опросник, выявляющий сведения о частоте и характере общения старшего поколения с внуками, а также была предоставлена возможность высказать мнение о позитивных и негативных аспектах взаимодействия бабушек и дедушек с внуками (см. Приложение 1).

3.2.2 Рисунок «Моя бабушка/ Мой дедушка» (адаптация теста «Рисунок человека»)

С 20-тью воспитанниками государственного детского сада в возрасте 5-6 лет был проведен модифицированный нами проективный тест К. Махвер «Рисунок человека»: воспитанникам было предложено нарисовать бабушку или дедушку по желанию. Ребенку давалась инструкция: «Нарисуй свою бабушку или своего дедушку, кого захочешь. Постарайся нарисовать как можно лучше». По окончании работы было проведено обсуждение рисунка с ребенком, в котором использовались вопросы о характере изображенного, его привычках и предпочтениях, о том, как часто ребенок видится с ним,

чем они занимаются вместе и насколько приятно это общение. При анализе рисунков учитывался их размер и расположение, нажим карандаша, выбор цвета, а также формальные характеристики фигуры изображенного человека в соответствии с рекомендациями анализа детских рисунков А.Л. Венгера [Венгер, 2003].

3.2.3 Беседа

В ходе исследования с каждым испытуемым проводилась беседа как способ сбора первоначальных и заключительных данных. Первичная беседа с участниками носила ознакомительный характер и представляла собой частично структурированное интервью, включающее общие вопросы о возрасте, социальном положении, профессиональной и учебной деятельности испытуемого, а также составе семьи и характере взаимоотношений в ней (см. Приложение 2). Заключительная беседа предполагала получение обратной связи от испытуемого о ходе исследования, возникающих у него переживаниях, мыслях, идеях.

3.2.4 Геносоциограмма

Авторство методики геносоциограммы приписывается Якобу Морено, Анри Колломбу, Анн Шутценбергер. Геносоциограмма является расширенной формой генеалогического дерева, составленной по памяти респондента и включающей значимые жизненные события, а также эмоциональный контекст семейной жизни. Акценты ставятся на особенностях восприятия членов семьи, их ролей, характере

взаимодействия как с каждым из них, так и с возникающими в семье группировками или коалициями. Диагностическим материалом являются как подробно описанные, так и забытые, вытесненные события. При интерпретации также необходимо отслеживать вероятные связи между событиями, датами, возрастами, повторяющимися ситуациями [Шутценбергер, 2001].

При составлении геносоциограммы с испытуемым необходимо уточнить следующие моменты:

- Возраст членов семьи, даты рождения и смерти.
- Даты и продолжительность браков, возраст детей на момент развода.
- Семейные мифы.
- Болезни, несчастные случаи, заключения в места лишения свободы, суициды.
- Аборты и выкидыши.

3.2.5 Тест «Кто Я» (М. Кун, Т. Макпартленд)

Тест «Кто Я» был разработан в 50-е годы М. Куном и Т. Макпартлендом для изучения образа своего собственного «Я», для изучения самоопределений или самоидентификации личности. Вопрос «Кто Я?» напрямую связан с характеристиками собственного восприятия человеком самого себя, то есть с его образом «Я» или Я-концепцией. В данной работе тест используется для изучения ролевого аспекта идентичности личности [Румянцева, 2006].

Использование методики в ходе исследования опиралось на следующие методологические положения:

- Конструкт личностной идентичности складывается из обобщения представлений самого индивида о мнении о нем окружающих, в частности значимых других, представленных семьей, друзьями, коллегами и т.д. Значимые другие непосредственно влияют на формирование представления о самом себе и своем месте.
- Формирование идентичности происходит в ходе непосредственного взаимодействия с другими людьми, принятия социальных норм, способов деятельности и культурных традиций
- Опираясь на классификацию личностной идентичности Дж. Мид, мы отмечаем два типа идентичности: осознаваемую и неосознаваемую. Наличие осознанной идентичности означает осмысленное отношение к своему образу «Я», а также дает человеку определенную свободу выбора тактики поведения. Переход от неосознанной идентичности к осознаваемой возможен при помощи рефлексии.
- Основными функциями идентичности являются адаптационная, ориентационная, структурная, целевая и экзистенциальная.
- Дихотомия процессов личностной идентичности: одновременное обеспечение интеграции и дифференциации «Я».
- Личностная идентичность имеет сложную структуру. Авторы теста выделяли четыре класса идентификаций: физическое Я, социальное Я, рефлексивное Я и трансцендентальное Я. В данной работе для анализа ответов респондентов мы используем шесть шкал: «социальное Я» (гендерная, семейная, профессиональная, этническая групповая и мировоззренческая принадлежность), «коммуникативное Я» (самоопределения,

отражающие специфику общения с другими), «физическое Я» (внешние данные, привычки), «материальное Я» (самоописание через принадлежащие индивиду предметы, отношение к среде), «рефлексивное Я» (личностные качества, эмоциональное отношение к себе, экзистенциальные характеристики «Я»), «перспективное Я» (семейная, профессиональная, материальная и другие виды перспектив).

- Личностная идентичность как конструкт обладает определенной мерой противоречивости, проявляющейся в стремлении к уникальности с одной стороны, и к принятию социумом с другой.
- Данная методика отражает скорее не переживаемую, а предъявляемую идентичность, зависящую от социального контекста.

3.2.6 Тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев)

Тест смысложизненных ориентации (СЖО) является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика. Оригинальная методика была разработана для эмпирической валидации логотерапии Виктора Франкла, в частности представлений об экзистенциальном вакууме и ноогенных неврозах. Авторы указывали, что методика измеряет степень «экзистенциального вакуума».

Используемая в данной работе русскоязычная версия методики была разработана Д.А. Леонтьевым в 1986—1988 гг. [Леонтьев Д.А., 2000]. За основу была взята версия К. Муздыбаева, которая была переработана по ряду позиций (упрощение формулировок,

предложение двух альтернативных предложений вместо альтернативы окончания одного предложения, введение симметричной шкалы градации).

Тест включает в себя следующие шкалы:

- Цели в жизни (наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей, осмысленность жизни);
- Процесс жизни (переживание жизни как интересной и эмоционально насыщенной);
- Результативность жизни (переживание удовлетворенность самореализацией);
- Локус контроля «Я» (переживание себя как сильной личности, обладающей свободой выбора или неверие в собственные силы);
- Локус контроля жизни (переживание уверенности в возможности контролировать свою жизнь или фатализм).

3.2.7 Опросник «Обзор ценностей» (Ш. Шварц)

Ш. Шварц развил новый теоретический и методологический подход к изучению ценностей, а также разработал новую методику исследования ценностей, которая эффективна для изучения ценностей и ценностных ориентаций как групп, так и отдельных индивидов. Методика является расширенной модификацией опросника ценностей М.Рокича (ОЦР), а в ее основе лежит система ценностей, составленная на базе изучения ценностей разных культур мира. Русскоязычная версия разработана группой ученых под руководством В.Н. Карандашева в 1999-2002гг. и одобрена самим автором методики.

Авторы методики отмечают, что понятия «ценности» и «ценностные ориентации» в данной работе являются синонимичными [Карандашев, 2004].

С точки зрения разработчиков методики, ценности не являются объективными, их актуализация неизбежно ведет к смешиванию с чувствами человека. Ценности являются универсальными, внеситуативными и отражают мотивационные цели и желаемые образы поведения, способствующие достижению этих целей. Ценностная структура имеет иерархический характер, таким образом отношения между ценностями отражают психологическую динамику конфликта и совместимости. Шкалы ценностных ориентаций и соответствующие им мотивационные цели представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Ценностные ориентации (Ш. Шварц)

Ценностная ориентация	Мотивационная цель
Конформность	сдерживание и предотвращение действий, не соответствующих социальным ожиданиям или несущих вред другим
Традиции	уважение, принятие обычаев
Доброта	благополучие близких людей в повседневной жизни
Универсализм	защита, благополучие всех людей
Самостоятельность	свобода выбора способа действия,

	автономность, независимость
Ценностная ориентация	Мотивационная цель
Стимуляция	стремление к новизне и глубоким переживаниям
Гедонизм	чувственное удовольствие
Достижение	успешность, компетентность, социальное одобрение
Власть	социальный статус, доминирование, управление другими
Безопасность	стабильность, гармония, безопасность себя и других

3.2.8 Методика «Семейная доска»

Методика «Семейная доска» была разработана рабочей группой системных терапевтов К. Людевига в 1978 г. Основной целью группы была разработка оригинального инструмента для возможности исследования семейной динамики в процессе семейной терапии, не прибегая к аналитической диагностике. Теперь данная методика активно используется в исследовательской и консультативной работе. Инструмент представляет собой символическую версию семейной скульптуры, и благодаря слабой структурированности материала дает свободу в постановке разнообразных вопросов. Данный инструментальный является универсальным для исследования как актуальных событий, так и реконструкции семейной истории [Лидерс,

2006].

В работе с семейной доской мы использовали технику фигурной скульптуры (FPT), в процессе использования которой обезличенным фигурам символически приписываются роли значимых для испытуемого людей. Использование данной техники предоставляет богатый материал для анализа, начиная от способа расстановки фигур до изучения интеракций. Данная техника не предусматривает концептуальных установок и поэтому может использоваться как проективная, структурная или интерактивная. В работе использовались 6 фигур: фигуры бабушки, деда, отца, матери, девочки и мальчика (см. Приложение 3). Испытуемые на каждом этапе могли менять фигуры, представляющие того или иного персонажа.

В данном исследовании техника применялась в трёх различных вариантах. В первом случае испытуемому предлагалось выбрать фигуру, обозначающую его самого и поместить ее в любое место на листе бумаге. Затем по просьбе экспериментатора участники очерчивали вокруг фигуры цветным (по желанию) карандашом свое личностное пространство. Во второй вариации на новом листе помимо своей фигуры испытуемым предлагалось поместить наиболее субъективно значимого прародителя, для которого они также выбирали фигуру. Когда обе фигуры помещались на листок, экспериментатор просил участников вновь очертить свое личностное пространство. В третьей вариации вместо фигуры прародителя предлагалось выбрать фигуру для матери испытуемого, в дальнейшем процедура повторялась аналогично второму этапу.

Использование данной техники позволило исследовать субъективную степень близости между испытуемым и прародителем, испытуемым и матерью. Графическое изображение личного

пространства также позволило проследить изменение его объема в зависимости от символического присутствия рядом с респондентом значимых для него фигур.

3.3 Анализ данных и обсуждение результатов

В рамках общей методологии исследования основной акцент при анализе данных был сделан на качественную обработку результатов исследования. Целью использования количественных методов обработки данных являлась проверка значимости изменений индивидуальных профилей испытуемых в ситуации актуализации образа прародителя.

3.3.1. Исследование степени включенности прародителей в воспитание внуков

Для исследования актуальности вопроса вклада прародителей в воспитание и развитие личности внуков мы решили обратиться к истокам - народному творчеству, а именно к сказкам. Русские народные сказки даже на первый взгляд отличаются своей поучительностью и целостностью – единством дела, мысли и чувства. Велика в сказках ценность труда, в награду за который герои получают богатства, все вместе пируют по окончании работы. Сказка отражает нравственные ценности русского народа: доброту, сочувствие и помощь слабому, самоотверженность, готовность отдать жизнь за другого, которые всегда торжествуют над эгоизмом; победу силы духовной над силой физической. В русских сказках всегда утверждается победа добра над злом, порядка над хаосом.

Сказка, будучи продуктом не индивидуального, а коллективного творчества, обладает универсальностью, что делает ее объективным материалом для анализа. В сказке, с точки зрения аналитической психологии, показан путь формирования и развития личности, обретения целостности, понимания своего Я и места в мире. Сказка - это и своеобразный проводник в мир культурных ценностей, и в то же время, руководство к действию: в ней заложены характерные для данной культуры модели поведения. Мы полагаем, что каждая культура предлагает свой особый путь поиска себя, формирования идентичности. Через анализ образов старых людей в сказке можно выявить специфику развития личностной идентичности и особенности влияния на этот процесс прародительской семьи, характерные именно для русской культуры.

Наша культура богата сказками и потешками, пословицами и поговорками, и часто мы встречаем в них образы старых людей. В сказках народов мира старые люди помогают герою в самых неразрешимых ситуациях, способствуют активизации его внутренних ресурсов, подталкивают героя а порой и вынуждают выбрать путь личностного развития.

Нами было проанализировано более 250 сказок. Для анализа были выбраны русские народные сказки (сборник А. Афанасьева «Русские заветные сказки») и западноевропейские сказки нескольких авторов (Г.Х. Андерсен, В. И Я. Гримм, Э. Гофман, Ш. Перро и т.д.). Схема анализа сказок основывалась на методе синхронного структурного анализа В.Я. Проппа [Пропп, 2009]. Основное внимание при анализе уделялось следующим моментам: частота появления старых персонажей в сказках, их роль, главной или второстепенной, в

сюжете сказки, выполняемые функции. Анализ выявил следующие особенности русских сказок (схема анализа в Приложении 4):

1. В русских сказках главными героями повествования становятся старые люди, в том числе бабушки и дедушки;
2. Старым персонажам русских сказок доверена трансляция культурных ценностей;
3. В отличие от иностранных сказок, где герои четко разделяются на положительных и отрицательных, образы старых людей в русских сказках столь жестко не ограничены. Так, несмотря на внешнюю отрицательность персонажа, он принимает большее участие в развитии главного героя, нежели положительные персонажи, и наоборот. Один из самых известных старых персонажей русской сказки – Баба Яга – выполняет роль не только Похитительниц и Воительницы, но и Дарительницы, щедро награждающей героя за выполнение ее заданий [Пропп, 2009]. Немецкая «Нехе» выглядит значительно привлекательнее, но договориться с этой старухой невозможно, ее цель состоит в уничтожении героя. Эту двойственность образа можно интерпретировать как идею целостности личности, принятия конструктивной роли теневой стороны личности.

Значимость прародительских фигур в жизни ребенка подтверждается и степенью включенности бабушек и дедушек в процесс воспитания и развития ребенка с раннего возраста. В результате опроса 20 педагогов дошкольного образовательного учреждения (государственного детского сада) были выявлены следующие данные. Треть воспитанников (30%) отводят в детский

сад и забирают бабушки и дедушки. Наиболее это характерно для средней и старшей групп, где возраст детей составляет 3-5 лет. Практически все бабушки и дедушки (85%) активно интересуются жизнью ребенка в детском саду, в особенности режимом дня и характером общения с другими детьми и взрослыми. Со слов педагогов, «бабушки (и иногда дедушки) готовы сотрудничать, помогать в решении детских конфликтов, но иногда слишком эмоционально реагируют и переживают за ребенка», «если малыш жалуется на что-то, первый его защитник – бабуля, мамы всё же спокойнее». Эти комментарии показывают значительную эмоциональную включенность прародителей в жизнь ребенка и безусловное принятие его стороны в любом споре и конфликте.

Прародители активно взаимодействуют с внуками дома. Более половины бабушек и дедушек, по результатам опроса родителей, видят внуков 2-3 раза в неделю, в семьях 20% опрошенных все три поколения проживают совместно. 15% детей опрошенных родителей проводят летние месяцы в гостях у бабушек и дедушек на даче, в деревне или в другом городе. 80% родителей отмечают, что бабушки и дедушки охотно играют с внуками, организуют «полезные» игры, активно занимаются образованием ребенка. Эти данные свидетельствуют о значительном количестве времени, проводимом ребенком с прародителями, а также о заинтересованности бабушек и дедушек в развитии ребенка, их желании участвовать в этом процессе и доверии родителей старшему поколению.

И родители, и педагоги считают общение старшего поколения с внуками необходимым для полноценного развития ребенка (100% опрошенных), однако указывают на самую большую проблему этих контактов: излишнюю мягкость, потакание капризам малышей.

«Наши бабушки и дедушка – лучшие мне помощники, но после выходных, проведенных с ними, дочка иногда возвращается слишком капризной, требует внимания», - комментирует мама пятилетней Маши Т. «Как говорит моя мама, любви и ласки много не бывает», - добавляет в беседе мама Тимы Р., одноклассника Маши. В беседе с педагогами группы раннего возраста (воспитанникам 2-3 года) выясняется, что при поступлении ребенка в детский сад и адаптации педагоги рекомендуют приводить и забирать ребенка именно родителям, комментируя это следующим образом: «Бабушки не могут расстаться с малышами, жалеют их, а им от этого еще тяжелее». Тем не менее, именно в группе раннего возраста уже в нескольких детских садах города созданы программы по улучшению адаптации воспитанников с участием прародителей. В детском саду №1735, на базе которого проводился опрос, эта программа названа «Бабушкины сказки». В первые, самые сложные для ребенка месяцы педагоги 2-3 раза в неделю приглашают бабушек (и при желании дедушек) поиграть с детьми в группе и читать им сказки. Старший воспитатель детского сада поделилась первыми впечатлениями: «О результатах программы говорить еще рано, но дети в восторге, и воспитатели замечают улучшение в их эмоциональном состоянии».

В исследовании включенности старшего поколения в воспитание внуков приняли участие 20 детей в возрасте 5-7 лет, 10 мальчиков и 10 девочек. Детям предлагалось нарисовать бабушку или дедушку, а затем немного рассказать о них. Выбор цветов для рисования отражают высокую эмоциональную привязанность к прародителям, образы бабушек и дедушек яркие, насыщенные, позитивные. В одном случае Заид М. нарисовал бабушку улыбающейся, однако, одетой в черное платье. Но причиной выбора цвета было отнюдь не негативное отношение к нарисованному человеку, а специфика культурных

особенностей, принятых в семье (мусульманских традиций). В беседе дети с удовольствием рассказывали о совместных играх с бабушками и дедушками, об их доме, кухне, привычках. Тесная связь прародителей и детей, несомненно, влияет на мировоззрение ребенка, становление его личности, восприятие себя и других. Вопрос специфики этого влияния является актуальным не только с теоретической, научной, культурной, но и практической, жизненной точки зрения.

3.3.2 Количественный анализ данных

Количественный анализ данных был произведен в статистическом пакете IBM SPSS Statistics ver. 21.0.0.0. Нами был использован t-критерий Вилкоксона – непараметрический статистический тест, используемый для проверки различий между связанными выборками парных измерений. Использование данного критерия было обусловлено тем, что он позволяет сопоставлять показатели, измеренные в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых, указывая также направленность и степень выраженности изменений.

Статистическую обработку прошли данные следующих методик: тест «Кто Я», методика «Ценностные ориентации», тест «Смысло-жизненные ориентации». Нами были отдельно рассмотрены группы испытуемых, работавших с образом живого или умершего прародителя, а также данные обеих групп вместе. В результате анализа было получено следующее.

При анализе данных методики «Кто Я» ни в одной группе не подтвердилась нулевая гипотеза о схожести выборок по показателям

социальное «Я» и материальное «Я». Таким образом, в ситуации актуализации внутреннего образа прародителя количество социальных и материальных характеристик, приписываемых себе участниками, значимо отличается от изначально указанных характеристик в нормальной ситуации. Количество характеристик перспективного «Я» также отличается от наличного в среднем у всех испытуемых, а также в группе работавших с образом живого прародителя. Испытуемые, выбравшие умершего прародителя, дают разное количество характеристик коммуникативного и рефлексивного «Я».

Таблица 3

Сводная таблица асимптотических значимостей. Тест «Кто Я»

<i>Параметры</i>	<i>Общие данные</i>	<i>Живой прародитель</i>	<i>Мертвый прародитель</i>
Социальное Я	0,000	0,001	0,38
Коммуникативное Я	0,111	0,673	0,00
Материальное Я	0,023	0,005	0,47
Физическое Я	0,884	0,801	0,148
Перспективное Я	0,008	0,001	0,408
Рефлексивное Я	0,232	0,300	0,47

* при уровне значимости 0,05

Анализ данных теста смысло-жизненных ориентаций показал общую тенденцию в отличности данных по показателю «Локус контроля жизни» во всех группах. Значимо отличаются показатели параметра «Цель жизни» в «присутствии» умершего прародителя. В среднем у всех испытуемых и в группе, работавшей с образом живого

прародителя, значимо отличаются данные параметра «Процесс жизни».

Таблица 4

Сводная таблица асимптотических значимостей. Тест СЖО

<i>Параметры</i>	<i>Общие данные</i>	<i>Живой прародитель</i>	<i>Мертвый прародитель</i>
Цель	0,197	0,450	0,047
Процесс	0,002	0,001	0,647
Результат	0,557	0,707	0,430
<i>Параметры</i>	<i>Общие данные</i>	<i>Живой прародитель</i>	<i>Мертвый прародитель</i>
Локус контроля Я	0,048	0,359	0,249
Локус контроля жизни	0,000	0,000	0,003

* при уровне значимости 0,05

В результате статистического анализа данных методики «Ценностные ориентации» были выявлены различия в данных по параметрам «Конформность», «Доброта», «Универсализм», «Самостоятельность» и «Гедонизм» в группе, работавшей в «присутствии» умершего прародителя. Общей тенденцией стала значимая разница в данных по параметрам «Традиции» и «Универсализм». В группе, работавшей с образом живого прародителя, значимо отличаются результаты по параметру «Традиции».

Сводная таблица асимптотических значимостей. Методика «Обзор ценностей»

<i>Параметры</i>	<i>Общие данные</i>	<i>Живой прародитель</i>	<i>Мертвый прародитель</i>
Конформность	0,073	0,692	0,000
Традиции	0,002	0,050	0,736
Доброта	0,101	0,087	0,037
Универсализм	0,002	0,228	0,000
Самостоятельность	0,200	0,207	0,028
Стимуляция	0,185	0,166	0,122
Гедонизм	0,036	0,731	0,000
Достижения	0,854	0,511	0,627
Власть	0,251	0,817	0,177
Безопасность	0,869	0,304	0,160

* при уровне значимости 0,05

Изучая полученные данные, стоит, однако, учесть, что выборка исследования составляет 30 человек (по 15 человек в каждой группе, соответственно), что не позволяет говорить о высокой достоверности данных статистического анализа. Количественный анализ был использован нами лишь как подкрепляющий исследование, тогда как основное внимание было уделено анализу индивидуальных случаев.

3.3.3 Качественный анализ данных индивидуальных случаев

Качественная обработка состояла в анализе каждого из 30 случаев на основе проведенных методик, а затем обобщения данных. Схема анализа включала в себя следующие этапы:

1. На основе беседы с испытуемым составлялась общая «картина семьи», дающая представление о характере отношений в семье и о месте каждого члена в ней.

2. По разработанной схеме анализа индивидуального случая (см. Приложение 5) составлялся «портрет» номинальной личностной идентичности испытуемого и личностной идентичности в условиях актуализации внутреннего образа прародителя.

3. Проводился сравнительный анализ показателей номинальной идентичности и идентичности в условиях «присутствия» прародителя и матери по показателям: ценностные и смысловые, ролевые, пространственные ориентации.

3.3.3.1 Примеры анализа индивидуального случая

Рассмотрим примеры анализа индивидуального случая в ситуации работы с образом умершего (случай Ирины) и живого прародителя (случай Анастасии).

Анализ случая Ирины

Анамнез. Ирина, 25 лет, разведена. Получила высшее юридическое образование в степени бакалавра, затем магистра, работает в адвокатском бюро.

Родилась и провела первые 17 лет в Элисте. Старший ребенок в семье, есть сестра Татьяна (20 лет, студентка медицинского ВУЗа) и брат Павел (14 лет, школьник). Отец Александр, 48 лет, строитель, мать Галина, 47 лет, акушер-гинеколог. Поддерживает тесный контакт с двоюродной сестрой Асей (27 лет, психолог) и бабушкой Натальей (69 лет, пенсионер). Кроме бабушки Натальи живых прародителей у испытуемой нет.

Первый год после рождения брата заботилась о нем практически самостоятельно в связи с тяжелым физическим состоянием матери. Брат до сих пор зовет ее «нянечка». Каждое лето до 14 лет испытуемая проводила у бабушки и дедушки по материнской линии вместе с сиблингами и двоюродными сестрами. С прародителями по линии отца отношения практически не поддерживались, о них Ирина почти не говорит. С 14 до 17 лет Ирина жила отдельно от родителей в собственной квартире, в 17 лет переехала из родного города в Москву в связи с поступлением в московский ВУЗ. Ириной описываются отношения с папой как конфликтные, вплоть до того, что в юности испытуемая подозревала, что воспитывается не биологическим отцом. Также Ирина подчеркивает свою особенность, непохожесть на других членов семьи, за исключением деда по материнской линии, которого она впоследствии выбрала в качестве значимого прародителя.

До 21 года у врачей были подозрения о лейкемии, которые не подтвердились. Сейчас серьезных проблем со здоровьем не наблюдается.

С самого детства Ирина была очень самостоятельным ребенком, что усугубляло отношения с властным отцом и создавало проблемы для ее социализации в школе. Отличница, привыкла всегда и во всем лидировать, демонстрируя энциклопедические знания по многим областям.

Данные геносоциограммы. Рисунок выполнен ручкой, несмотря на предложенные цветные карандаши (см. Приложение 7). Размер значков маленький, за исключением значков прародителей, родителей и тети. Испытуемой самостоятельно выделена коалиция «сестра-отец». По рассказу, сопровождавшему построение геносоциограммы, было выяснено, что большая часть детства Ирины прошла в семье бабушки и дедушки (со стороны матери), где она была «любимой» внучкой. Как отметила сама участница, в своем поведении, вкусах, внешнем виде Ирина ориентируется на бабушку, однако, наиболее значимым прародителем был выбран дед. Дед умер, когда испытуемой было 10, и его смерть переживалась очень тяжело. В ходе обсуждения отношений с дедом и актуализации связанных с ним воспоминаний Ирина показывала высокую эмоциональность. По вербальным и невербальным реакциям и характеру описания деда можно сделать вывод, что его смерть до сих пор болезненно переживается испытуемой. Визуализация образа деда не вызвала сопротивления и, напротив, была принята испытуемой с интересом.

Данные методики «Семейная доска». Ирина выбрала для обозначения себя фигуру, соответствующую дочери (соответствие пола и семейного положения). На первом рисунке («Я и мое пространство», Приложение 8) личностное пространство испытуемой

занимает около $\frac{2}{3}$ листа (359 см²) и дополнено элементами, повторяющими квартиру Ирины: окно, шторы, кресло, пылесос, дверь, цветы на балконе. Фигура «Я» располагается в центре очерченного личного пространства и ее силуэт дополнен до рисунка яблока. Дополняя рисунок декоративными элементами, испытуемая комментировала: «Как-то получается несимпатично. Мое пространство должно быть красивым. И моя обведенная фигура выглядит пустовато, пусть это будет Яблоко».

На втором рисунке («Я и мое пространство рядом с мамой», Приложение 9) происходит резкое сокращение личного пространства до $\frac{1}{4}$ листа (144 см²), дополнительных элементов нет. Фигура матери включается в личное пространство испытуемой, фигуры стоят боком друг к другу, расстояние между ними невелико (4,5 см). На третьем рисунке («Я и мое пространство рядом с дедом», Приложение 10) размер личного пространства приближается к первоначальному варианту и занимает около $\frac{1}{2}$ листа (315 см²), однако, в отличие от первого рисунка, не заполнен элементами. Силуэт фигуры «Я» вновь дорисован до изображения яблока, силуэт фигуры деда дорисован до изображения конфеты, фигуры повернуты лицом друг к другу. Расстояние между фигурами больше, чем на втором рисунке. Ирина говорит о деде очень трепетно и уважительно, интонация меняется на более плавную, голос становится мягче. Оценивая свой рисунок «в присутствии» деда, Ирина захотела дорисовать и фигуру деда: «Раз я яблочко, пусть он тоже будет красивый. Силуэт на конфету похож, вот и будет конфетой!».

Как отмечает сама Ирина, одной из ее основных черт является стремление к установлению границ «своего мира» (цит. Ирины) и его эстетизации. Она с большой любовью описывает нарисованное

пространство своей квартиры, подчеркивая, что создала его сама, в соответствии со своим вкусом. Рисуя схему «Я в присутствии деда», она вновь воссоздает свое реальное жизненное пространство, в котором образ деда также становится художественно окрашенным. По сравнению с пространством в «присутствии» мамы, образ деда более гармонично вписывается в окружающую Ирину действительность, он естественен в этой среде. Фигуры испытуемой и мамы находятся как бы вне границ реального физического пространства квартиры, что, возможно, отображает их раздельное проживание, редкие встречи чаще на нейтральной территории, тогда как с образом деда испытуемая живет постоянно, он присутствует в комфортном, созданном ею мире. Дорисовывание фигуры деда также показывает глубокую эмоциональную привязанность, подчеркивание его особого статуса для Ирины. «Дедушка всегда был для меня... лучшим мужчиной на свете. Он совсем не похож на других мужчин».

Данные теста «Кто Я». При самоописании в обычной жизненной ситуации у испытуемой преобладают социальные роли (11 из 20 описаний). Практически не выделены рефлексивное и физическое «Я» (по 1 описанию), также указаны три характеристики материального «Я», две перспективного «Я» и две коммуникативного «Я». Восемь характеристик испытуемая относит к позитивным, одну к негативным, 11 – к нейтральным, то есть не может однозначно оценить, считает ли характеристику своим достоинством или недостатком, у характеристики нет явной эмоциональной окраски.

В ситуации актуализации образа матери становится чуть больше самоописаний коммуникативного и перспективного «Я» (добавляется по одной характеристике), но в целом, картина самоописания остается прежней. Во всех трех ситуациях количество самоописаний

максимальное (20), что характеризует «послушность» испытуемой и ее тенденцию к перфекционизму. В «присутствии» деда сокращается количество характеристик социального «Я» (с 11 до 6), увеличивается количество описаний рефлексивного «Я» (с 1 до 6). В самоописании отсутствуют характеристики перспективного «Я» и негативные самоописания. Сама Ирина комментирует процесс: «Когда дедушка рядом, я очень хорошая, я самая лучшая. Другой и быть не могу, даже странно...». Самоописания более ироничны: «стащила бабушкину помаду», «задира». Испытуемая отмечает: «Дед всегда надо мной подшучивал по-доброму, и я с ним рядом маленькая любимая хулиганка». Роль «любимой хулиганки», однако, сочетается с подчеркнутой интеллектуальностью Ирины («умница», «отличница», «любитель книг»). Рядом с дедом она самая умная, самая смелая и самая лучшая.

Таблица 6

Данные теста «Кто Я», случай Ирины

Самоописания	Кто Я	Кто Я, когда рядом мама	Кто Я, когда рядом дедушка
Социальное Я	11	10	7
Коммуникативное Я	2	3	1
Материальное Я	3	2	4
Самоописания	Кто Я	Кто Я, когда рядом мама	Кто Я, когда рядом дедушка
Физическое Я	1	1	3
Перспективное Я	2	3	0

Рефлексивное Я	1	1	5
Положительные	8	7	11
Отрицательные	1	1	0
Нейтральные	11	12	9
Всего	20	20	20

Данные теста СЖО. При актуализации образа деда выросли значения шкал Целей жизни и Локуса контроля жизни (Таблица 7).

Таблица 7

Данные теста СЖО, случай Ирины

Шкалы	Мои смысло- жизненные ориентации	Мои смысло-жизненные ориентации, когда рядом дедушка
Цели	33	40
Процесс	25	27
Результат	28	31
Локус Я	20	23
Локус Жизни	30	36

Данные ценностного опросника. По данным опросника ценностей основными ценностными ориентациями для испытуемой являются Достижение, Самостоятельность, Традиции и Доброта. При актуализации образа деда результаты по этим шкалам остаются практически неизменными, однако, повышается значимость ценности

Универсализма и существенно увеличиваются значения шкал Конформности, Достижения и Власти (Таблица 8).

Таблица 8

Данные опросника «Обзор ценностей», случай Ирины

Ценности	Мои ценности	Мои ценности, когда рядом мама	Мои ценности, когда рядом дедушка
Конформность	4.25	4.0	6.25
Традиции	5	5	4.8
Доброта	5.8	5.8	6
Универсализм	4	4	5
Самостоятельность	5.4	5.4	5.4
Стимуляция	3.67	3.43	3.3
Гедонизм	3.3	3	3
Достижения	5	5	6.25
Власть	3.25	3.25	4.75
Безопасность	4.6	4.4	4.4

Выводы. По данным анализа всех предложенных методик можно сделать ряд выводов. Прародитель является очень значимой фигурой для испытуемой и, по ее словам, до сих пор является для нее ориентиром, примером. Мы можем утверждать, что образ деда является внутренним объектом для Ирины. Фигура прародителя включена в идеальное личностное пространство и идеализируется испытуемой. По ее собственным комментариям о ходе исследования,

дед не существует в ее реальном мире. «Я встречаюсь с ним в особой реальности, в которой время замерло, он все тот же, каким был раньше». Образ деда не подвержен изменениям, он «кристаллизован» в «Я» испытуемой, что также подтверждается исчезновением перспективного «Я» при его актуализации.

«Присутствие» деда дает Ирине ощущение большей осмысленности и целенаправленности жизни, придает ей веру в свои силы и способность контролировать свою жизнь. В безопасном пространстве рядом с дедом можно позволить эмоциональное и теплое отношение к самой себе, где собственное «Я» воспринимается как только положительное. Смыслы и ценности, пропагандируемые дедом в актуальном общении с Ириной, стали установками ее настоящей жизни. Образ испытуемой в глазах деда (умной, смелой и целеустремленной личности) стал жизненным ориентиром для Ирины, а эмоциональная поддержка, оказанная этой фигурой, позволяет ей формировать позитивное самоотношение. В определенном смысле Ирина продолжает воплощать ожидания деда: она нацелена на успешную карьеру, развитие и реализацию интеллектуального потенциала, эстетическое отношение к жизни. Испытуемая реализует ролевую установку «старшей», руководителя, лидера, которая поддерживалась в актуальном общении с прадедом. Эта ролевая модель и ценностные ориентации на достижение и лидерство воспринимаются Ириной как естественно ей присущие, не вызывающие сомнений.

Такой эффект «присутствия» внутреннего образа значимого другого может быть использован как ресурс развития личности и укрепления самооценки. В этой ситуации, однако, заключается возможность внутриличностного конфликта. Восприятие себя через

исключительно положительные характеристики не может всегда быть адекватным реальности. Этот идеализированный образ, актуализируемый «присутствием» прародительской фигуры, может вступить в противоборство с наличной идентичностью, не лишенной негативных характеристик. Однако в данном случае этот возможный конфликт вытесняется. Ирина не позволяет себе видеть возможные негативные эффекты, оказанные на нее дедом. Более того, попытки вспомнить негативные черты прародителя встречают сопротивление: «Он не всегда был мил и добр к людям, но разве сейчас это важно?». Таким образом, пространство «рядом» с дедом наполнено идеализированными фантазиями о себе, что с одной стороны, укрепляет позитивное самоотношение, а с другой, раскрывает бессознательное отрицание существования негативных характеристик как в прародителе, так и в самой Ирине. Причину данной ситуации можно видеть в замещении негативного воспринимаемого отца идеализированной фигурой прародителя. Там, где отец был недостаточно «хорош», внимателен, чуток и эмпатичен, возникает образ деда – его полной противоположности. В последующей за исследованием беседой Ирина призналась, что это внутреннее противостояние фигур идеального деда и отвергающего отца отразилось на восприятии противоположного пола: Ирине сложно выстраивать отношения с мужчинами, так как она всегда ищет в них недостижимый идеал деда.

Образ деда для Ирины практически неотделим от собственного «Я». В его «присутствии» активизируются те ценностные и ролевые ориентации, которые всегда присущи испытуемой, но с «появлением» рядом фигуры деда становятся еще более выраженными. Ирина всегда руководствуется стремлением к власти и достижению, соответствием социальным требованиям и ожиданиям, а в ситуации, созданной в

исследовании, все эти векторы проявляются ярче. В терминологии мультисубъектного подхода образ деда является претворенным субъектом в личности Ирины: он органично встроен в ее жизненное пространство, ценностно-смысловую и социо-ролевую структуру.

Анализ случая Анастасии

Анамнез. Анастасия, 26 лет, не замужем. Получила высшее образование в степени бакалавра (туризм), затем магистра (менеджмент), работает личным ассистентом генерального директора в PR агентстве.

Единственный ребенок в семье. Отец Сергей, 52 года, строитель, мать Елена, 48 лет, бизнес-тренер. Родители развелись, когда Анастасии было 20 лет. Отношения с обоими родителями и их нынешними супругами теплые, доверительные. В данный момент Анастасия живет с отцом и его супругой, выходные проводит с матерью. Часто общается с тетей по материнской линии Верой, живущей в Греции. Поддерживает контакт с прародителями: бабушкой по отцовской линии Шурой, 75 лет, и родителями матери, дедомлевой, 72 года, и бабушкой Галей, 69 лет.

Анастасия родилась и провела первые 18 лет в Ижевске. С родителями всегда имела ровные, неконфликтные отношения, отзывалась о них, как о «понимающих, адекватных людях, предоставлявших полную свободу действий». Получила базовое художественное образование и продолжает заниматься рисованием в свободное время. С 18 до 23 лет Анастасия в связи с обучением жила на Кипре, раз в пол года приезжала в Россию навестить семью. С 23

до 25 лет жила и училась в Англии, навещала семью реже, вынуждена была вернуться в Москву в связи с финансовыми трудностями. По ее собственному мнению, находится в поиске своего профессионального пути.

Данные геносоциогаммы. Рисунок выполнен цветными карандашами. Цвет четко обозначает субъективно выделяемые группы в семье: испытуемая, мама, тети по материнской и отцовской линии (оранжевый цвет значков); прародители и дядя по материнской линии (коричневые значки); отдельным цветом (синим) обозначен отец (см. Приложение 11). Размер значков средний, родители и сама испытуемая изображены чуть меньше. Анастасия не выделяет коалиций внутри семьи. Когда испытуемой было предложено выбрать значимого прародителя, она с удивлением для себя «обнаружила» рядом с собой бабушку Шуру, несмотря на то, что отношение с этим членом семьи сложные, часто конфликтные. «Я ее даже и не звала, а она уже тут! Даже выбирать не пришлось», - комментирует Анастасия. Первоначально «присутствие» бабушки было воспринято испытуемой как негативное, раздражающее: «Она всегда лезет в мою жизнь! И вечно ворчит». На вопрос, почему именно эта бабушка оказалась рядом, Анастасия не смогла найти ответ: «Она сама пришла. Не понимаю, почему именно она, никогда мы с ней не ладили».

Данные методики «Семейная доска». Анастасия выбрала для обозначения себя фигуру, соответствующую дочери (соответствие пола и семейного положения), фигуру не меняла. На первом рисунке («Я и мое пространство», Приложение 11), выполненном простым карандашом, личностное пространство испытуемой относительно

небольшое, занимает около 1/10 листа (38,5 см²), нет дополнительных элементов. Фигура «Я» располагается в центре очерченного личностного пространства. На втором рисунке («Я и мое пространство рядом с мамой», Приложение 12), также выполненного простым карандашом, происходит увеличение личностного пространства вдвое (78,5 см²), дополнительных элементов нет. Фигура матери включается в личностное пространство испытуемой частично, фигуры стоят боком друг к другу, расстояние между ними невелико (5,5 см). На третьем рисунке («Я и мое пространство рядом с бабушкой», Приложение 13) размер личностного пространства вновь увеличивается (132,6 см²), фигуры стоят боком друг к другу, расстояние между ними чуть больше, чем в случае с матерью (7,5 см). Фигура бабушки очерчена зеленым карандашом, находится на границе личностного пространства Анастасии.

Данные теста «Кто Я». При самоописании в обычной жизненной ситуации у испытуемой преобладают социальные роли (7 из 20 описаний) и самоописания рефлексивного «Я» (9 из 20 описаний), также указаны 3 характеристики материального «Я» и 1 характеристика перспективного «Я» (Таблица 9). Не представлены физическое и коммуникативное «Я». Пять характеристик испытуемая относит к позитивным, одну к негативным, 14 – к нейтральным. С «появлением» матери картина первого профиля практически не меняется: представлены все 20 самоописаний, преобладают нейтральные характеристики (13), 4 позитивных и 3 негативных. В профиле представлены 8 самоописаний социального «Я», 8 самоописаний рефлексивного «Я», одна характеристика перспективного «Я» и 3 – материального. В целом общий фон двух

профилей достаточно абстрактен, встречаются такие самоописания, как «Мечта», «Сон», «Улыбка» и т.д.

В ситуации актуализации образа бабушки количество характеристик «Я» с 20 до 8, выделены описания рефлексивного «Я» (4), социального «Я» (3) и одна характеристика коммуникативного «Я». В самоописании отсутствуют характеристики перспективного, физического, материального «Я» и негативные самоописания. Шесть самоописаний испытуемая считает позитивными, 2 нейтральными. Анастасия комментирует это следующим образом: «Это странно, бабушка так часто ворчит на меня, придирается, учит жизни, но сейчас рядом с ней я чувствую себя хорошей девочкой, только маленькой, как будто я еще ребенок». Самоописания более теплые, «живые»: «Солнышко», «Цветочек», «Проказница».

Данные теста СЖО. Данные теста СЖО не выявили значительных отклонений ни по одной шкале, кроме шкалы «Лocus контроля Я», что выражается в уменьшении значения с 24 до 20 баллов (Таблица 10).

Таблица 9

Данные теста «Кто Я», случай Анастасии

Самоописания	Кто Я	Кто Я, когда рядом мама	Кто Я, когда рядом
--------------	-------	-------------------------	--------------------

			бабушка
Социальное Я	7	8	3
Коммуникативное Я	0	0	1
Материальное Я	3	3	0
Физическое Я	0	0	0
Перспективное Я	1	1	0
Рефлексивное Я	9	8	4
Положительные	5	4	6
Нейтральные	14	13	2
Отрицательные	1	3	0
Всего	20	20	8

Таблица 10

Данные теста СЖО, случай Анастасии

Шкалы	Мои смысло- жизненные ориентации	Мои смысло- жизненные ориентации, когда рядом бабушка
Цели	32	31
Процесс	18	21
Результат	26	26
Локус Я	24	20
Локус Жизни	27	28

Данные ценностного опросника. По данным опросника ценностей основными ценностными ориентациями для испытуемой являются «Доброта», «Универсализм», «Самостоятельность», «Стимуляция» и «Достижение». Ценностный профиль в

квазиприсутствии матери остается практически неизменным. При актуализации образа бабушки видны смещения в сторону увеличения значений по шкалам «Конформность», «Власть» и «Достижение». Уменьшается значимость шкал «Доброта» и «Стимуляция» (Таблица 11).

Таблица 11

Данные опросника «Обзор ценностей», случай Анастасии

Ценности	Мои ценности	Мои ценности, когда рядом мама	Мои ценности, когда рядом бабушка
Конформность	2.5	2.2	4
Традиции	2.4	2.4	1.8
Доброта	5	5	3.8
Универсализм	4	4	3.75
Самостоятельность	4.4	4	4.6
Стимуляция	4	4	3
Гедонизм	2.67	2.67	2.67
Достижения	4.25	4.2	5.25
Власть	0.25	0.4	1.25
Безопасность	2.8	2.8	2.2

Выводы. Образ бабушки, рассматриваемый в данной ситуации, значительно отличается от предыдущего случая. С первых минут исследования раскрывается амбивалентность отношений Анастасии и бабушки: с одной стороны, бабушка неприятная, отталкивающая, раздражающая, а с другой, именно она оказывается наиболее

значимой и важной прародительской фигурой. Сознательно Анастасия старается отстраниться от бабушки. Она не включает ее в свое личностное пространство, описывает исключительно негативные ее характеристики, приводит примеры конфликтного взаимодействия («звонит мне и начинает ворчать», «вечно сует свой нос» и т.д.).

Однако при описании себя рядом с бабушкой испытуемая указывает положительные, «живые» характеристики: «солнышко», «цветочек», «проказница». «Рядом» с бабушкой Настя – «маленькая» и «самостоятельная» девочка. В самоописаниях чувствуется гордость внучкой, искреннее тепло, однако, количество самоописаний по сравнению с обычной ситуацией и «присутствием» матери сокращается более чем вдвое. «Рядом» с бабушкой испытуемая «умница» и «труженица», однако, она лишена взрослой части личности, характеристики, указанные в тесте «Кто Я», присущи скорее ребенку, чем взрослой женщине. Анастасия оказывается в рамках социально одобряемых ролей ребенка, как будто получает от бабушки команду быть маленькой, не расти, что подкрепляется повышением ценности конформности и снижением ценности стимуляции. «Рядом» с бабушкой хорошо быть маленькой, не брать на себя ответственность за свои решения (снижение показателя локуса контроля Я в тесте СЖО). Данные желания носят бессознательный характер, тогда как сознательно Анастасия противопоставляет себя фигуре прародителя, акцентируя внимание на ценностях достижения и власти. Чтобы вырваться из успокаивающей регрессивной бабушкиной атмосферы, необходимо активно действовать.

Испытуемая сознательно выстраивает свою идентичность на противоборстве с прародительской фигурой, отстраняясь от нее, что, однако, лишает Анастасию позитивной теплой поддержки от

бабушки, которую мы видим в самоописаниях, но она оказывается вытесненной, не воспринимаемой. В «присутствии» бабушки испытуемая чувствует меньший контроль над своей жизнью и стремится его вернуть. Образ бабушки создает вокруг нее атмосферу неизменяемости, застоя, что обращает Анастасию к ценностям движения, развития, достижения. Образ прародителя ориентирует Анастасию на постоянство, адаптацию, соответствие социальным ожиданиям. Это воспринимается испытуемой негативно и не дает возможности увидеть потенциала этих векторов развития идентичности.

3.3.2.2 Анализ аспектов идентичности

Выбор значимого прародителя

В начале второго этапа исследования каждый испытуемый должен был сделать выбор: кого из бабушек и дедушек выбрать для дальнейшей работы. Все респонденты, участвовавшие в исследовании, были знакомы и общались как минимум с двумя прародителями. Казалось бы, очевидным будет выбор прародителя, с которым у участника была или до сих пор существует позитивная эмоциональная связь. Однако, данные исследования показывают, что далеко не все респонденты выбирают для анализа любимую бабушку или любимого дедушку. Частой в практике исследования стала ситуация, когда с одной бабушкой отношения комфортнее, но в результате объектом исследования становилась та бабушка, взаимодействие с которой не приносило испытуемому позитивных эмоций. Как заявила одна из участниц исследования: «Я её и не звала даже, но она уже тут!».

Таким образом, выбор значимого прародителя не обязательно осуществлялся на основе теплых отношений. По собственным оценкам респондентов, значимый вклад в развитие их личности внесли те прародители, которые оставили или продолжают оставлять глубокий эмоциональный след, вне зависимости от модальности эмоции. Большинство испытуемых, выбиравших для анализа живого прародителя, характеризовали отношения с ним как конфликтные, сложные. Бабушка или дедушка представляли в описании участников строгими, упрямыми, иногда деспотичными и невыносимыми, однако их роль в жизни респондентов оказывалась значительнее других прародителей. Более того, часть испытуемых, активно подчеркивающих свою отличность от выбранного прародителя, в ходе беседы обнаруживали узнаваемые черты «той самой» невыносимой бабушки или «того самого» упрямого деда. Ранее мы указывали двойственность образов старых людей в русских сказках. Как и сказочная Баба Яга, являющаяся не самым приятным собеседником, сварливая бабушка, однако, значимо участвует в жизни человека, способствуя росту и развитию его личности, хотя способы этой помощи могут восприниматься негативно.

В то же время, испытуемые, выбравшие для работы умершего прародителя, всегда выбирали того, кто воспринимался ими как самый заботливый, понимающий, родной. Такую характеристику можно объяснить тем, что образ ушедшего прародителя остается неизменным в силу отсутствия реального человека в жизни испытуемого. С такой бабушкой сложно конфликтовать, а прошлые разногласия, если они были, со временем забываются, устраниются из сохранившегося образа. В ходе беседы испытуемые порой отмечали: «Сейчас я вспоминаю, что у деда был непростой характер. Но теперь

это уже не важно, не так ли?». Особенно характерна такая картина для испытуемых, которые переживают смерть прародителя как утрату.

Анализ ценностно-смыслового компонента идентичности

«Присутствие» прародителя способствует проявлению разнообразных аспектов ценностно-смысловых ориентаций. Больше чем у половины всех испытуемых (67%) при актуализации внутреннего образа прародителя наблюдаются смещения профиля в сторону увеличения значимости показателя по шкале «Традиции», описанной в методике как «уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность) и следование им» [Карандашев, 2004, с. 67]. Этот результат был ожидаем и подтверждается результатами статистического анализа и представленного выше анализа русских и европейских сказок. Культурно и исторически обусловленная роль бабушек и дедушек заключается в трансляции традиций, обычаев, устоев, форм поведения, закрепленных в определенной культуре. Как в сказке, так и в жизни через язык, совместную деятельность или на собственном примере прародители передают ценности своей культуры.

Существенным стало изменение профиля у 83% испытуемых по шкале «Достижение» в сторону увеличения значимости данной ценностной ориентации. Под данной ориентацией подразумевается личный успех через реализацию социальной компетентности, то есть способность выстраивать поведение с учетом ожиданий, представлений и требований окружающих людей. Реализация ценностных ориентаций «Достижение» и «Традиции» обеспечивает социальное одобрение личности. Таким образом, актуализация

образов бабушек и дедушек задает ценностное направление социального принятия и эффективного взаимодействия в обществе в условиях данной культуры.

Таблица 12

Средние значения данных методики «Обзор ценностей»

Шкалы	Все участники		1 группа (живой прародитель)		2 группа (умерший прародитель)	
	"Я"	"Я с Б/Д"	"Я"	"Я с Б/Д"	"Я"	"Я с Б/Д"
Конформность	4,03	4,42	4,11	3,60	3,95	5,23
Традиции	2,81	3,71	3,36	3,84	2,26	3,58
Добро	5,02	5,11	4,76	5,11	5,24	5,56
Универсализм	4,32	4,49	4,40	4,49	4,24	4,49
Самостоятельность	5,35	5,41	5,02	5,80	5,67	5,02
Стимуляция	5,45	4,80	5,80	5,45	4,26	3,89
Гедонизм	4,77	4,31	4,54	4,62	5,00	4,00
Достижение	4,49	5,11	4,82	5,45	4,16	4,77
Власть	3,48	2,60	2,78	2,89	4,00	2,89
Безопасность	4,32	4,50	4,36	4,49	4,30	4,00

Этот аспект нашел свое отражение также в самоописаниях испытуемых. В результате анализа теста «Кто Я» выявилась общая тенденция сокращения количества самоописаний в «присутствии» бабушки или дедушки у большинства испытуемых (90%). Испытуемые комментировали затруднение в выполнении методики

тем, что не видят большего количества характеристик «Я» в «присутствии» прародителя. Ответы респондентов были следующими: «Я не знаю, что еще рассказать про себя при нем»; «Больше ничего не приходит в голову»; «Я с ней просто хорошая девочка, мне кажется. Пишу одно и то же разными словами». В среднем количество ответов на тест в «присутствии» прародителя сократилось на 30%. Сокращение количества самоописаний может свидетельствовать о сокращении, сужении образа «Я» в «присутствии» прародителя. Самовосприятие часто ограничивается позитивными, социально одобряемыми характеристиками и моделями поведения.

Более того, при актуализации внутреннего образа умершего прародителя в самоописании респондентов полностью отсутствуют негативные характеристики «Я», а большинство самоописаний носит инфантильный характер. Так девушки часто использовали следующие описания: «солнышко», «маленькая девочка», «проказница/шалунья» - те описания, что, скорее, применяют к маленьким детям. Образ себя «рядом» с умершим прародителем выглядит идеальным, содержит в себе социально одобряемые характеристики и роли. Многие испытуемые в ходе работы отмечали внутренний диссонанс между самоописаниями, данными в «присутствии» образа бабушки или дедушки, и внутренней оценкой собственного «Я». Наиболее часто респонденты выражали эту мысль фразой «Я при ней (при нём) настолько хороший! Это не похоже на меня».

Данные методики смысло-жизненных ориентаций показали увеличение количества баллов по шкалам «Цели в жизни», «Локус контроля-жизнь» в группе испытуемых, чьи значимые прародители уже умерли. Статистический анализ также показывает достоверность

изменений показателей в связи с актуализацией образа прародителя. Большинство испытуемых данной группы (73%) в «присутствии» прародителя отмечают ощущение большей осмысленности жизни. В «присутствии» бабушки или дедушки они чувствуют себя более целеустремленными, с большим оптимизмом смотрят на свои планы и перспективы. Более позитивно они также оценивают и свои наличные результаты и достижения, ощущают себя авторами своей жизни, свободными в принятии решений. По результатам количественного и качественного анализа актуализация внутреннего образа прародителей дает ощущения контроля над своей жизнью, возможности самостоятельного ее изменения, в среднем у всех испытуемых и в особенности в группе испытуемых, чьи прародители умерли.

Таблица 13

Средние значения данных теста СЖО

Шкалы	Все участники		1 группа (живой прародитель)		2 группа (умерший прародитель)	
	"Я"ср	"Я с Б/Д"ср	"Я"	"Я с Б/Д"	"Я"	"Я с Б/Д"
Цели	28,5	30,5	30,5	30,1	26,7	30,9
Процесс	19,2	20,7	20,2	21,3	18,4	20,1
Результат	25,4	27,7	25,4	27,4	25,4	28,1
Шкалы	Все участники		1 группа (живой прародитель)		2 группа (умерший прародитель)	
	"Я"ср	"Я с Б/Д"ср	"Я"	"Я с Б/Д"	"Я"	"Я с Б/Д"

Локус контроля Я	19,5	21,2	20,3	21,0	18,7	21,5
Локус контроля жизни	29,8	33,4	31,7	34,3	28,1	32,6

В ходе беседы 5 участников, чьи прародители живы, отмечали, что порой им хочется рассказать бабушке о себе нечто, по её мнению, ужасное, скандальное, даже если это и не является правдой, но никогда не хватает решимости. На вопрос, о чем бы хотелось сказать, респонденты отвечали: «Например, о том, что я пью. Или ругаюсь»; «Мне хочется придумать что-то такое, чтобы спровоцировало бабушку, шокировать ее. Даже не знаю, зачем, но эта мысль доставляет мне удовольствие»; «Хочу показать ей, что я совсем другая и принципы у меня другие». Эти ответы указывают на желание открыто противопоставить свои ценностные и поведенческие нормы нормам прародителей. Однако, результаты опросника ценностей не показывают диаметральных расхождений между ценностными ориентациями в обычной ситуации и в ситуации «присутствия». Возможно, суть этого противопоставления находится в зоне не ценностных, а ролевых ориентаций, и респонденты хотели бы выразить свою отличность, «инаковость» таким конфликтным путем. В такой ситуации мы, скорее, сталкиваемся с еще продолжающейся борьбой за собственную целостность и здоровую личностную идентичность. Возможно также, что испытуемым хотелось бы в своеобразной форме проверить устойчивость позитивного принятия прародителей, поскольку их образ играет большую роль в формировании позитивного самоотношения.

Рассматривая данные в контексте дихотомических отношений личностной идентичности «внутренняя согласованность —

соответствие социальным ожиданиям», мы приходим к выводу об амбивалентном характере эффектов воздействия прародителей на личность. С одной стороны, образ прародителя выполняет крайне необходимую для развития здоровой личности функцию адаптации к сфере социальных требований и ценностей. Бабушки и дедушки, транслируя культурный опыт, способствуют ориентации личности в многообразии социальных норм и их встраиванию в ценностную структуру личностной идентичности. Одновременно, излишнее стремление сделать личность «социально одобряемой», установка «будь, как все» могут препятствовать личностной реализации и целостности. В таком контексте может развиваться конфликтное самоотношение, сопровождаемое чувством потерянности, недоверия как собственным установкам, так и социальным нормам.

Нами также предполагалось, что следующей общей тенденцией станет повышение ценности «Конформности». Однако, результаты диаметрально противоположны в группе испытуемых, работавших с образами живых и неживых прародителей. У испытуемых, чьи значимые прародители живы, выявлены сдвиги профилей по шкале «Конформность» в сторону снижения значимости ценностной ориентации. В то же время для 65% испытуемых этой группы в «присутствии» прародителя более значима становится ценностная ориентация «Самостоятельность». Данная ориентация, по мнению автора методики, является производной от потребности в автономии. Респонденты, находящиеся в живом взаимодействии со своими бабушками и дедушками, стремятся к самостоятельному принятию решений и выбору способов действий без оглядки на социальные ожидания.

Испытуемые, выбравшие образы умерших прародителей, напротив, указывают в опроснике повышение значимости данной ценностной ориентации. Этой группе также свойственно снижение значимости ценностей «Самостоятельность», «Власть» и «Гедонизм». Таким образом при актуализации образов умерших прародителей активизируется установка на сдерживание и предотвращение действий, которые могут быть расценены как социально неприемлемые, снижается ценность потребности в доминировании и самостоятельности, получении чувственных удовольствий. Основной ориентацией личности становится соответствие социальным нормам, а основная задача заключается в том, чтобы быть послушным и одобряемым социумом. В самоописаниях этих испытуемых полностью отсутствуют указания на перспективное «Я».

Образ прародителя в данном случае более ригиден, нежели в ситуации, когда прародитель жив. В ходе беседы мы сталкивались с сопротивлением возможности изменения этого образа: «Я не могу представить дедушку здесь и сейчас, могу вообразить его только таким, каким помню». Стоит отметить, что подобная ситуация возникала лишь у тех испытуемых, чьи прародители умерли давно (более 10-12 лет), а значит, у испытуемых не было опыта взрослого диалога с прародителем. В ряде самоописаний присутствует образ «Я», существовавший во времени реального общения с ушедшим прародителем. Установившиеся тогда паттерны общения не были подвержены изменению по причине смерти прародителя. По сути «встреча» с умершим прародителем в экспериментальной ситуации происходит вне времени, ей не присущи характеристики настоящего или будущего. Также и установленные в процессе живого общения с бабушкой или дедушкой представления о собственной личности остаются сохранными в структуре личностной идентичности и

актуализируются вместе с «вызовом к жизни (или диалогу)» умершего прародителя.

Однако в продолжении совместной рефлексии образа прародителя экспериментатором и участниками, последние приходили к выводу о возможности трансформации образа: «Я уже не маленький ребенок и теперь могу поговорить с бабушкой (с моей внутренней бабушкой, конечно) как взрослый человек»; «Я никогда не думала, что смогу общаться с дедушкой, ведь он давно умер. Но сейчас понимаю, что ему еще есть, что сказать мне». Благодаря такой рефлексии личность открывает для себя возможность переоценки образа, перевода его из статичного состояния в активное начало. В образе умершего прародителя сохраняются паттерны взаимодействия ребенок-взрослый. Отсутствие опыта общения с прародителем во взрослом возрасте может служить причиной того, что испытуемые не могут представить себе взаимодействие с внутренним образом прародителя в настоящее время.

Анализ пространственного компонента идентичности

В результате анализа пространственного компонента идентичности, основанного на данных методики «Семейная доска», были выделены несколько ключевых моментов: способ расстановки фигур членов семьи (матери и прародителя) на листе, расположение фигур в пространстве относительно всей площади листа и друг друга, особенности графического обозначения.

В первой модификации методики испытуемому предлагалось выбрать фигуру, обозначающую его самого, расположить ее на листе и обозначить графически с помощью карандашей границы своего личностного пространства. Большинство испытуемых, выполняя

задание, выбирали фигуры ориентируясь на их внешнее сходство с собой. Так, например, девушки с короткой стрижкой выбирали скорее мужские фигуры, что мы, однако, в виду их устных комментариев о внешней схожести не рассматриваем как свидетельство неустановленной или несоответствующей их физическому полу гендерной идентичности.

Размер очерченного личностного пространства и его расположение варьировались в каждом индивидуальном случае, однако, можно проследить общие тенденции.

1) Линии, обозначающие границы, в первом варианте выполнения методики «Семейная доска» были нечеткими, размытыми. Форма пространства обычно напоминала круг или овал, но линии были прерывистыми, нажим на карандаш слабым. При выполнении методики в ее втором и третьем вариантах, когда в поле листа необходимо было поместить фигуру матери или прародителя, границы личностного пространства очерчивались значительно резче, нажим на карандаш был сильнее, а форма пространства ближе к геометрически правильной. Данный результат можно объяснить тем, что выстраивание границ требует ориентиров на другого человека. Формирование идентичности предполагает дихотомию: включенность, принадлежность и идентификацию с социумом с одной стороны, и в то же время выделение себя как уникальности – с другой. Во взаимодействии с другим индивид легче определяет необходимую ему зону личностного комфорта. Находясь в едином пространстве с другим, он, в то же время, очерчивает принадлежащее только ему индивидуальное пространство. Гибкость как характеристика личностной идентичности заключается здесь в способности быть рядом с другим, не нарушая сохранность своих границ, а значит, и

целостности. В 77% случаев (23 испытуемых) размер и форма личностного пространства при добавлении фигуры другого человека изменялась: имело место сужение или расширение пространства.

2) В большинстве случаев площадь очерченной фигуры уменьшалась, в особенности во втором варианте методики, когда к фигуре испытуемого добавлялась фигура матери. Площадь личностного пространства в «присутствии» на листе бабушки или дедушки была значительно больше, чем в «присутствии» матери. В случаях увеличения площади пространства при добавлении новой фигуры испытуемые давали такие комментарии, как «Теперь нас больше, и мне нужно больше места». Можно предположить несколько интерпретаций данного результата. Во-первых, личностное взаимодействие с образами прародителей меньше, чем с родителями (матерью). Во-вторых, оно может ощущаться как менее вторгающееся. В-третьих, прародители как носители трансгенерационной истории способствуют включению групповой идентичности в личностную идентичность респондента.

3) Еще одним ключевым моментом анализа данных являлось изучение включенности/невключенности других фигур в личностное пространство испытуемого. Можно выделить четыре стратегии расположения фигуры другого человека: полное включение в личностное пространство, частичное включение, касание границ пространства, полное исключение фигуры из личностного пространства. Результаты представлены в Таблице 9:

Таблица 14

Стратегии расположения фигур

Стратегия	Фигура матери	Фигура прародителя
-----------	---------------	--------------------

Полное включение	20%	56,7%
Частичное включение	30%	13,3%
Касание	26,7%	10%
Полное исключение	23,3%	20%

Согласно данным, варианты степени включения фигуры матери приблизительно равнозначны. Чуть более половины исследуемых включила фигуру прародителя в границы своего пространства. Этот результат вновь возвращает нас к восприятию образа прародителя как менее вторгающегося, захватывающего территорию. Нахождение прародителя в зоне личного пространства безопаснее материнского присутствия.

Большая часть испытуемых, выбравших умерших прародителей (87%), включает фигуру прародителя в границы своего пространства. В ходе проведения методики они комментировали: «Бабушка теперь живет во мне, я не могу поместить ее отдельно», «Это часть меня, она внутри моего «Я», но между нами там есть граница». Включение фигуры умершего прародителя мы трактуем как интериоризацию образа. Таким образом, умерший прародитель, уходя из реальной жизни личности, переходит в объект его внутреннего мира.

Анализ ролевого компонента идентичности

Как было указано выше, общей тенденцией для всех испытуемых является указание социально одобряемых ролей в «присутствии» прародителя, чего не наблюдается при появлении материнской

фигуры. Респонденты, выбравшие в качестве значимого прародителя живого человека, указывали в его «присутствии» меньшее количество рефлексивных самоописаний, их внимание больше сосредоточено на социальных ролях. Большинство указаний идет на такие аспекты, как учеба (например, «отличница»), работа («труженица»), семейные роли («внук», «старший ребенок»).

Однако у тех, чьи бабушки и дедушки умерли, напротив, количество характеристик рефлексивного «Я» увеличивалось с 47 до 64%. Встречаются самоописания типа «Я - частица мира», «Я – человек, идущий вперед», «Я - ищущая». Обращение к образу уже ушедшего человека становится обращением к самому себе, позволяя проанализировать свои ролевые установки, опираясь на взгляд другого со стороны, вступая с ним в диалог и расширяя тем самым возможности самоанализа. Обращаясь к дихотомическим характеристикам идентичности, можно сделать вывод о том, что квазиприсутствие умерших прародителей поддерживает аспект внутренней согласованности, тогда как образ живых прародителей ориентирует личность на соответствие социальным ожиданиям.

Анализируя полученные данные, нельзя вырывать их из контекста ценностно-смысловой и социо-ролевой базы, в которой воспитывались прародителя, то есть установок и моделей советского общества. В советском пространстве основой идентичности была групповая принадлежность, культивировался коллективизм, то есть наибольшую значимость приобретала социальная идентичность [Антонова, 2010]. К специфике советской идентичности можно отнести надэтническую идентификацию, идею прогресса, постоянного совершенствования человека и общества, дающую

«идеальный стимул к развитию и базу для высокой личностной и коллективной самооценки» [Попов, 2003].

Образ «советского простого человека» включал в себя ценность труда, коллективизма, поддержания четкой иерархии и организации, безоговорочного оптимизма и бескомпромиссной уверенности в правильности пропагандируемых идеалов. Бабушки и дедушки как носители этих идеалов в той или иной мере транслируют внукам советские модели поведения и оценки себя и других. Тогда выявленный нами в исследовании базовый акцент на социально одобряемые и приемлемые формы и стереотипы поведения является результатом советского типа воспитания, характерного для нашей страны в период СССР. В этом ключе, проблема требует дальнейшей проработки в сравнении данных о прародительских влияниях в других странах: являются ли полученные результаты только культурной особенностью нашей страны или же ориентация на социальные нормы как функция бабушек и дедушек распространена во всем мире.

Общий анализ данных исследования позволяет выстроить следующую картину структурных изменений личностной идентичности при актуализации внутреннего образа прародителя. «Присутствие» прародителя вызывает изменение акцентов базовых аспектов личностной идентичности в смысловой, ценностной, ролевой и пространственной ориентаций личности. Происходит смещение ценностно-смысловых и социо-ролевых ориентаций в сторону соответствия социальным нормам и получения одобрения от окружающих. Самовосприятие индивида становится суженным, из всего многообразия личностных черт отбираются те, которые были бы приняты прародителем. Особенно характерно это при

актуализации образа умершего прародителя, когда самописание ограничивается только положительными качествами и принятыми в обществе социальными ролями.

В значительной мере отличаются профили тех испытуемых, чьи бабушки и дедушки реально присутствуют в жизни, и тех, чьи прародители уже умерли. В ситуации живого взаимодействия с прародителем у личности возникает конфликтная зона, стимулирующая проявление самостоятельности, автономности, ориентации на собственные цели.

При актуализации образа умершего прародителя, напротив, создается безопасное и комфортное пространство, поддерживающее и укрепляющее позитивную самооценку и веру в свои силы, способствующее рефлексии и проявлению эмоционального отношения к себе. Однако в то же время в этом пространстве не поощряется инициатива, самостоятельность, доминирование, следование за собственными желаниями, если они идут в разрез с социальными ожиданиями.

На наш взгляд внутренний образ прародителя в силу культурно-исторических и психологических особенностей в наибольшей степени связан с ценностно-смысловым аспектом идентичности. Прародители способствуют вхождению в мир социо-культурных норм и ценностей и адаптации в социальной среде. Опыт позитивного взаимодействия с прародителями поддерживает высокую самооценку личности, а их квазиприсутствие создает комфортное пространство для личности, ориентацию на внутреннюю согласованность. В то же время, внутренний образ прародителей может ограничивать широту самовосприятия личности за счет формирования идеализированного представления человека о себе.

В целом, образ умерших прародителей способствует укреплению таких базовых характеристик личностной идентичности, как постоянство, соответствие социальным ожиданиям. Ценностно-смысловые и ролевые ориентации идентичности смещаются в сторону традиционных и социально одобряемых. Образ живых прародителей, в свою очередь, ориентирует личность на изменение, развитие, самостоятельность в принятии решений относительно реализуемых ролевых и ценностных ориентаций. Прародители способствуют освоению и интеграции социо-культурных, коллективных аспектов идентичности, в то время как функция родителей заключается в формировании индивидуальных аспектов идентичности.

Заключение

В данной работе нами рассмотрены два значимых личностных феномена: личностная идентичность и ее структурные компоненты, а также внутренние образы прародителей и эффекты их актуализации. Теоретический обзор показал большой перевес в психологических исследованиях в сторону изучения периода активного становления идентичности в подростковом периоде (14-18 лет). Однако личностная идентичность не является статичной и завершенной формой и продолжает свое развитие на протяжении всей жизни человека. Поэтому нам было важно рассмотреть специфику личностной идентичности и ее структурных компонентов на следующем возрастном этапе, когда, согласно Эриксону, большая часть работы по синтезу и ресинтезу эго уже выполнена.

Было бы также интересно продолжить исследование с другими возрастными группами и рассмотреть специфику изменений акцентов в структурных компонентах идентичности при актуализации внутреннего образа прародителей в более зрелом возрасте, сопоставив данные с новыми возрастными задачами, социальной ситуацией. Однако с этими испытуемыми практически исключена возможность исследования внутреннего образа живого прародителя.

Также перспективным, на наш взгляд, является сравнительное исследование эффектов квазиприсутствия внутренних образов прародителей в группе испытуемых из России и других стран. Значительное влияние на результаты могут оказать особенности культуры и транслируемые в ней ценностные и ролевые ориентации. Открытым остается вопрос о том, насколько тесная связь с

прародителями является спецификой русской культуры, или же распространена и в других странах. Так, например, расширенный состав семьи часто встречается в итальянских и греческих семьях, велика роль старшего поколения в воспитании внуков в еврейской семье.

Большинство исследователей акцентируют свое внимание на влиянии детско-родительских отношений на формирование и становление идентичности. Родители, бесспорно, являются ключевыми фигурами в развитии личности, но в то же время, фигурами не единственными. Домашним воспитанием дошкольников, а зачастую и детей школьного возраста, в нашей культуре в значительной степени занимаются прародители, в основном бабушки, так как большинство мужчин продолжает работать и после наступления пенсионного возраста. Как часто в классической литературе мы встречаем образы бабушек и дедушек, оказывающих своим примером и методами воспитания значительное влияние на личность, как в позитивном, так и в негативном ключе.

Одна из участниц исследования поделилась воспоминанием о разговоре со своей бабушкой: «В детстве я много времени проводила в доме бабушки, и часто она рассказывала мне о своей бабушке – выпускнице института благородных девиц. Ее глаза всегда горели, когда она вспоминала о том, как еще будучи маленькой девочкой получала свои первые женские советы, училась у бабушки быть настоящей леди. И однажды, после очередного рассказа, она спросила меня: «Когда у тебя будет внучка, ты будешь рассказывать ей обо мне?». Меня навсегда поразил этот вопрос, ведь спросила она не о дочке, а именно о внучке». В этой истории можно увидеть, насколько глубокой и значимой является эта связь «через поколение» для обеих,

особость этой связи, несравнимой с отношениями матери и дочери. Проведенное исследование – попытка уловить особенности этой связи, понять, что транслируется личности от прародителя и как это встраивается в его систему идентичности.

При анализе результатов нам удалось выявить сдвиги в профилях структурных компонентов идентичности в ситуации актуализации внутреннего образа прародителя, особенно заметны они, если бабушки или дедушки уже нет в живых. Однако еще до анализа данных, в ходе проведения исследования эффекты «присутствия» прародителей были заметны. Например, в ряде случаев мы столкнулись с сильным сопротивлением взаимодействию с прародителем. Так, один из участников Владимир, 26 лет, на предложение экспериментатора визуализировать образ бабушки продемонстрировал сильное волнение, попытавшись обратить ситуацию в шутку: «Надо перекреститься что ли, если вижу покойника?!». Лишь после беседы, в ходе которой он вместе с экспериментатором проговорил свои чувства и опасения, Владимир согласился продолжить исследование.

Еще трое испытуемых на второй встрече после актуализации образа умершего прародителя отказались продолжать исследование: настолько болезненной оказалась встреча с внутренним образом. Во всех этих случаях мы столкнулись с утратой близкого человека, и актуализация воспоминаний о нем вызывали болезненные переживания, слёзы. Такая сильная эмоциональная реакция была неожиданна для нас. Однако через некоторое время (2-3 дня) эти участники просили возобновить исследование. Алексей, 28 лет, комментировал: «Как бы мне не было больно, я хочу поговорить с дедом. Один я это сделать не способен, но вместе с Вами, мне

кажется, получится. Мне уже не так страшно, я готов». «Бабушка была для меня такой родной, что после ее смерти я старалась не думать, не вспоминать. Прошло 12 лет, но я все еще скучаю по ней, больно от разлуки», – говорит Ирина, 27 лет. Эти случаи показывают силу, значимость и реальность «присутствия» прародителя, отношения с которым продолжают жить. Именно поэтому опыт общения с каждым участником был уникален.

Важной частью исследования стало получение обратной связи от испытуемых. Их комментарии мы получаем даже по прошествии нескольких месяцев. Общей тенденцией стало, по мнению испытуемых, формирование более осознанного отношения к прародителю. Участники, отмечавшие конфликтную сторону взаимодействия с бабушками и дедушками, после исследования стали обращать внимание на позитивные аспекты контактов. «Если уж я выбрала эту бабушку, совершенно неосознанно, то какой бы назойливой и раздражающей она не была, она мне родная и по-своему любимая, – говорит Анастасия. – Кстати, недавно мы ездили в совместный отпуск к родственникам. Все прошло замечательно, я увидела, что мы не такие уж и разные. Мой выбор в исследовании заставил меня задуматься».

В случае, когда отношения с прародителем описывались как прекрасные, идеальные, участники также пересматривали нарочито позитивный образ, сопоставляя его с реальными фактами жизни, вытесненными воспоминаниями о негативном опыте общения с прародителем. Наиболее ценными стали последовавшие через несколько месяцев отзывы испытуемых о том, что они стали включать технику актуализации внутреннего образа прародителя в повседневную жизнь. Ольга П. пишет: «Я теперь часто с бабушкой

советуюсь, особенно когда дело касается личной жизни. Она себя всегда правильно позиционировала, ее можно спросить». Таким образом, «встреча» с прародителем поспособствовала углублению рефлексии взаимоотношений с бабушкой или дедушкой, а также дала инструмент для дальнейшей работы с внутренними образами как прародителей, так и любых других значимых фигур. Исследование стало для участников в определенной мере обучающим и терапевтическим процессом, что изначально не являлось нашей задачей.

Полученные в ходе исследования данные могут быть применимы в таких сферах психологической работы, как индивидуальное и семейное консультирование и психотерапия, психологическая поддержка взрослых и детей. В педагогической практике результаты работы могут стать ориентиром для воспитателей и учителей, которые регулярно сталкиваются с необходимостью взаимодействия не только с родителями, но и со старшим поколением. Как было указано выше, результаты опроса родителей, педагогов и воспитанников детского сада подтверждают актуальность этой проблемы.

К сожалению, на данный момент в психологической практике нет простой и удобной в применении методики для исследования личностной идентичности (за исключением методики исследования типов идентичности Дж. Марсиа). Данная работа предлагает методический аппарат для исследования структурных компонентов личностной идентичности. Перспективой развития исследования может стать разработка единой методики исследования личностной идентичности, охватывающей все ее компоненты и типы.

Проведенный теоретический анализ и результаты практического исследования позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Личностная идентичность является сложной динамической структурой, имеющей ряд базовых компонентов: смысловой, ролевой, ценностный, пространственный, временной. Центральными и сущностными характеристиками личностной идентичности являются три пары дихотомических отношений: «внутренняя согласованность и соответствие социальным ожиданиям», «постоянство и изменчивость», «целостность и адаптация». Данные отношения не только отражают сложный характер идентичности, но и задают направления ее развития;
2. Актуализация внутреннего образа прародителей способствует активизации социально одобряемых ценностных и ролевых ориентаций личности;
3. Актуализация внутреннего образа умерших прародителей способствует подчеркнуто позитивному самоощущению и сужению образа «Я» до соответствующего социальным нормам и ожиданиям;
4. Актуализация внутреннего образа живых прародителей стимулирует проявление активности и автономности личности, что зачастую происходит на основе противопоставления себя прародителям и негативной идентичности.

Литература

1. *Абушенко В.Л.* Идентичность [Электронный ресурс] / Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. - Мн.: Книжный Дом, 2003. Режим доступа: <http://opredelenie1.ru/noveyshiy-filosofskiy-slovar/i/identity/>, свободный. – Загл. с экрана.
2. *Агафонов А.Ю.* Смысл как единица анализа психического // Вестник СамГУ. №3(9). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 9 с.
3. *Антонова Н.В.* Личностная идентичность современного педагога и особенности его общения.// Вопросы психологии, № 6, 1997, с.23-30.
4. *Антонова Н. В.* Особенности идентичности субъекта социально-ориентированных профессий в условиях социальных изменений // В кн.: Социальная психология труда: теория и практика / Отв. ред.: Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. . Т. 1. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 199-210.
5. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.
6. *Аполлонов А.В.* Иоанн Дунс Скот // Антология средневековой мысли: Теология и философия европейского Средневековья. – СПб.: Российский Христианский гуманитарный институт, 2000. – Т. 2.
7. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2009. – 576 с.
8. *Болотова А.К.* Время и пространство в межличностных

- отношениях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 3. С. 22-36.
9. *Большой психологический словарь* / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
 10. *Бюджеталь Дж.* Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической те-рапии/Пер. с англ. А.Б. Фенько. — М.: Не-зави-симая фир-ма «Класс», 1998. — 336 с.
 11. *Варга А. Я., Драбкина Т. С.* Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
 12. *Венгер А.Л.* Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. — М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 160 с: ил.
 13. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций// Собр. соч.: в 6 тт. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
 14. *Выготский Л.С.* Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т.4. - М.: Педагогика, 1984. – С. 244-268
 15. *Григорьева Е.В.* Подходы к исследованию идентичности: интегративная позиция // Социальный психолог. - 2 (16) 2008 – С. 111-119.
 16. *Гулдинг Р., Гулдинг М.* Психотерапия нового решения. Теория и практика. М.: Независимая фирма «Класс», 1997. – 288 с.
 17. *Давыдова К.Д.* Социальная установка как психологический феномен //Социальная психология и философия. - М., 1975. – С. 63-64.

18. *Джеймс У.* Личность // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырев.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 61–70.
19. *Джеймс У.* Психология / Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Л.А. Петровской. М: Педагогика, 1991. — 367 с.
20. *Заковоротная М.В.* Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов –на - Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999. – 200 с.
21. *Захаров А.И.* Происхождение и психотерапия детских неврозов. М.: КАРО, 2006. – 672 с.
22. *Здравомыслов А.Г.* Отношение к труду и ценностные ориентации /А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов// Социология в СССР. Т.2.- М.: Мысль, 1966. – С. 197- 198.
23. *Зинченко В.П., Леви Т.С.* Психология телесности: между душой и телом. – М.: АСТ, 2005. – 736 с.
24. *Иванова Н. Л., Румянцева Т.* Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2009.
25. *Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
26. *Кон И.С.* В поисках себя. М.: Педагогика, 1988. – 422 с.
27. *Кон И. С.* Социология личности / Кон И. С. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
28. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. 9-е издание. СПб.: Питер, 2005. – 940 с.
29. *Кранц И.И.* Определение статусов идентичности: возможности диагностики. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Psihologia/18710.doc.htm, свободный.

30. *Кузнецов В.Н.* Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века: Учеб. пособие для ун-тов — М.: Высш. шк., 1989. — С. 160-185 (гл. III «Шеллинг»). — 480 с.
31. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Директ-Медиа, 2008. — 363 с.
32. *Леонтьев Д.А.* Внутренний мир личности. / Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, - 2000. — С. 375
33. *Леонтьев Д.А.* Гордон Олпорт – архитектор психологии личности/ Д. Леонтьев //Психологический журнал. – 2002. – № 3. – с. 23 – 31.
34. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. — М.: Смысл, 2000. — 18 с.
35. *Ливехуд Б.* Кризисы жизни — шансы жизни. Развитие человека между детством и старостью. М: Духовное познание, 1994. — 218 с.
36. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. Учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 432 с.
37. *Малер М., Мак-Девитт Дж.Б.* Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности / Перевод с англ. А. Андрюшкиной // Журнал практической психологии и психоанализа. — № 2 (июнь). — 2005. — Электронный ресурс / Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20050209>, свободный.
38. *Маслоу А.* Мотивация и личность. Перевод с английского: А. М. Татлыбаева. СПб.: 1999. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Режим

доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4180>, свободный.

39. *Мелибруда Е. Я* – Ты – Мы. М.: Прогресс, 1986. – 256 с.
40. *Мид Дж.* Сознание, самость и общество // Социология: классические и современные парадигмы. Хрестоматия. Сост. С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканян, М., 1998. – 392 с.
41. *Мид М.* Культура и мир детства / Сост. и предисл. И. С. Кона. — М.: Наука, 1988. – 429 с.
42. *Мозговая Н.Н.* Развитие представлений о личностном пространстве студентов педагогического вуза: автореф. дис. канд. пед. наук : 19.00.07 / Н. Н. Мозговая; Северо-Кавказский государственный технический университет. – Ставрополь, 2002. – 28 с.
43. *Овчинникова Ю.Г.* О конструктивной роли кризиса личностной идентичности в развитии личности // Мир психологии. 2004. №2. – С.124-132
44. *Овчинникова Ю.Г., Яксина И.А.* Временная перспектива и кризисы зрелости // Психология зрелости и старения. 2009. №3. – С. 13-26.
45. *Олпорт Г.* Становление личности. М.: Смысл, 2002. – 462 с.
46. *Орлова Э.А.* Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. Т. IV. 2010. С. 87–111.
47. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? // Х. Ортега-и-Гассет. Что такое философия? - М.: Наука, 1991. - С. 51-191.
48. *Панкова Л.М.* Воспитание внуков. СПб.: Питер, 1998. – 282 с.
49. *Пезешкиан Н.* 33-и 1 форма партнерства. М.: Институт позитивной психотерапии, 2009. – 288 с.
50. *Петровский В.А., Уварина Е.Ю.* Влияние фактора личностной идентификации на результат мыслительной деятельности //

- Психология учебной деятельности школьников. Тула, 1982. – 153 с.
51. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // *Вопр. психол.* 1985. №4. С. 17-30.
52. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. г. Ростов-на-Дону, издательство «Феникс», 1996. – 512 с.
53. *Петровский В.А., Грязева В.Г.* Некоторые особенности исследования индивидуальной личности методом отраженной субъектности. Психологические проблемы взаимодействия коллектива и личности. М., 1998. С. 15-19.
54. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. – М., Смысл, 2010. – 559 с.
55. *Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000. – 196 с.
56. *Попов М. Е.* Социокультурная идентичность советского человека: опыт формирования надэтнической общности // *Толерантность и проблема идентичности: Материалы Международной научно-практической конференции. Ежегодник Российского психологического общества. - Т. 9. - Вып. 4. / Отв. ред. Н.И. Леонов, С.Ф. Сироткин. - Москва-Ижевск: Изд-во Российского психологического общества, 2002. - С. 26 - 32.*
57. *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. Изд. «Лабиринт», 2009. – 336 с.
58. *Психология индивидуальности: Новые модели и концепции/* Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ. 2009. – 384 с.

59. *Психология развития*/ под ред. А.К. Болотовой и О.Н. Молчановой. М.: ЧеРо, 2005. – 524 с.
60. *Психология семейных отношений с основами семейного консультирования*. Под ред. Е. Г. Силяевой. М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 192 с.
61. *Ремшмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. М.: Мир, 1994. С. 148—149.
62. *Рикёр П.* Я сам как другой/ Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (Французская философия XX века). – 416 с.
63. *Роджерс К.* Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы. Изд-во Института Психотерапии, 2008. – 512 с.
64. *Ройс Дж., Пауэлл А.* Индивидуальность и плюралистические образы человеческой природы // Импакт. 1982. № 2. – С. 46-58.
65. *Румянцева Т.В.* Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. Учебное пособие. — СПб.: Речь, 2006. — 176 с.
66. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: Академия, 2000. – 264 с.
67. *Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф.* К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–17.
68. *Стайн М.* Трансформация. Проявление самости. М.: Когито-Центр, 2007. – 224 с.
69. *Стайн М.* Юнговская карта души: Введение в аналитическую психологию. Под ред.: Данько Ю. М.: Когито-Центр, 2010. - 255 с.
70. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Издательство

- Московского Университета, 1983. – 284 с.
71. *Сурженко Л.В.* Ценности личности: философский и психологический анализ понятия // Научный журнал КубГАУ, №65(01), 2011. – С. 241-252.
72. *Учебное пособие по возрастной психологии.* Психология зрелости / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БРАХМА-М, 2003. – 768 с.
73. *Франкл В.* Воля к смыслу = The will to meaning. — М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. — С. 97
74. *Франкл В.* Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. — М.: Альпина Нон-фикшн, 2009. — С. 239
75. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
76. *Фромм Э.* Искусство любви. М.: Педагогика, 1990. – 160 с.
77. *Хабермас Ю.* Модерн - незавершенный проект// Вопросы философии, 1992. №4. – С. 44.
78. *Хартманн Х.* Эго-психология и проблема адаптации. Пер. с англ. В. В. Старовойтовой. Под ред. М. В. Ромашкевича. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002 г. – 160 с.
79. *Хейли Дж.* Терапия испытанием: Необычные способы менять поведение/Пер. с англ. В.М. Саринной. — М.: Независимая фирма «Класс», 1998. — 208 с.
80. *Хеллингер Б.* Источнику не нужно спрашивать пути. Институт консультирования и системных решений, 2010. – 308 с.
81. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. Спб.: Питер, 1997. – 606 с.
82. *Чиксентмихайи М.* В поисках потока: Психология увлеченности повседневной жизнью. Basic Books. 1998. – 112 с.

83. *Шакурова А.В.* История становления понятия «социальная идентичность» в зарубежной социологии и социальной психологии. // Современный исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №2 (10), 2012. Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/shakurova.pdf>, свободный.
84. *Шелдрейк Р.* Новая наука о жизни/ Пер. с англ. Е. М. Егоровой.— М.: РИПОЛ классик, 2005.— 352 с.
85. *Шутценбергер А.* Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М: Издательство Института Психотерапии, 2001. – 238 с.
86. *Эйдемиллер Э., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999. – 656 с.
87. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. – 342 с.
88. *Эриксон Э.* Детство и общество. / Пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. — СПб.: Летний сад, 2000. – 345 с.
89. *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. – 321 с.
90. *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, Airland, 1994. – 406 с.
91. *Юнг К.-Г.* Отношения между Я и бессознательным [Электронный ресурс] // Библиотека психологического форума Jungland. Режим доступа: <http://jungland.ru/node/1493>, свободный.
92. *Юнг К.-Г.* Стадии жизни [Электронный ресурс] // Библиотека психологического форума Jungland. Режим доступа: <http://jungland.narod.ru/Library/Stadii.htm>, свободный.

93. *Яшина А.А.* Проблема идентичности в социальной психологии. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. №6. 2007. С. 110-113
94. *Ядов В.А.* Социальная идентичность личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. — 4.2. — М.: Институт социологии РАН, 1994. — 298 с.
95. *Arnett, J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, Vol 55(5), May 2000, p. 469 – 480.
96. *Davidson D.* A Problem of Identity in Relation to An Image of A Damaged Mother. *Journal of Analytical Psychology*, Volume 10, Issue 1, January 1965, p. 67-76.
97. *Erikson, E.* "The Problem of Ego Identity." *Psychological Issues*, 1, no. 1, 1959, p. 101-164.
98. *Feldman B.* Identity, sexuality and the self in late adolescence. *Journal of Analytical Psychology*, Volume 41, Issue 4, October 1996. p. 491–507.
99. *Fogelson R.D.* Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumspects and prospects. // *Psychosocial theories of the self.* / Ed. by B.Lee. – N.Y., L., 1982, p. 67-109.
100. *Framo J. L.* Symptoms from a family transactional viewpoint. In N. Ackerman et al. (Eds.). *Family therapy in transition.* Boston: Little, Brown. 1972.
101. *Goffman E.* *Stigma: Notes of Management of Spoiled Identity.* N.Y.: Prentice-Hall, 1963.
102. *Hall E.* *The Hidden Dimension.* Originally published: Garden City, N.Y.: Doubleday, 1966.

103. *Kast V.* Sisyphus. A Jungian Approach to Midlife Crisis. Daimon Verlag, 1991.
104. *Marcia J.* Ego identity: a handbook for psychological research. Springer-Verlag NewYork Inc., 1993.
105. *Marcia J.* Ego identity status: relationship to change in self-esteem, «general maladjustment» and authoritarianism. State University of New York at Buffalo, 1966
106. *Marcia, J.* Identity in adolescence. In J. Adelson (Ed), Handbook of adolescent psychology. New York: Wiley, 1980, p. 10-134
107. *Melchert N.* The Great Conversation: A Historical Introduction to Philosophy. Oxford University Press, USA, 2006.
108. *Tajfel H.* Individuals and groups in social psychology // Brit. J. Soc. and Clin. Psychol. 1979. V. 18, p. 39 – 40.
109. *Welch M.* Confusion and the Search for Identity. Journal of Analytical Psychology, Volume 13, Issue 2, July 1968. p. 118–130.
110. *West M.* Identity, narcissism and the emotional core. Journal of Analytical Psychology. Volume 49, Issue 4, September 2004. p. 521–551.

Приложения

Приложение 1

Уважаемые родители!

Предлагаем Вам принять участие в нашем исследовании, посвящённом роли бабушек и дедушек в жизни детей. Ответьте, пожалуйста, на вопросы анкеты, указанные ниже, ориентируясь на бабушку/дедушку, с которой(ым) у ребенка наиболее тесный контакт.

Спасибо за сотрудничество!

1. Как часто ребенок видится с бабушкой/дедушкой?
а) 1-2 раза в полгода/год; б) 1-2 раза в месяц; в) каждую неделю; г) практически каждый день
2. Как часто бабушка/дедушка покупает ребенку игрушки?
а) 1-2 раза в полгода/год; б) 1-2 раза в месяц; в) каждую неделю; г) практически каждый день
3. Играют ли вместе бабушка/дедушка и ребенок?
а) всегда; б) часто; в) иногда; г) редко
4. Какие игры они предпочитают?

5. Радует ли ребенок встрече с бабушкой/дедушкой?
а) всегда; б) часто; в) иногда; г) редко
6. Необходимо ли, на Ваш взгляд, общение старшего поколения и внуков?
а) да, безусловно; б) иногда это необходимо; в) нет, не нужно
7. В чем, по Вашему мнению, заключаются положительные стороны общения детей со старшим поколением?

8. В чем, по Вашему мнению, заключаются отрицательные стороны общения детей со старшим поколением?

9. Назовите известные Вам сказки о бабушках и дедушках:

10. Назовите известные Вам пословицы, поговорки, потешки, в которых упоминаются бабушки и дедушки:

Уважаемые педагоги!

**Предлагаем Вам принять участие в исследовании,
посвящённом роли бабушек и дедушек в жизни детей.
Спасибо за сотрудничество!**

1. Сколько детей (приблизительно) провожают и забирают из детского сада бабушки/дедушки? _____
2. Как часто бабушки/дедушки интересуются жизнью ребенка в детском саду?
а) постоянно; б) иногда; в) редко; г) никогда
3. О чем чаще всего спрашивают бабушки/дедушки?
а) о физическом здоровье ребенка; б) о режиме дня ребенка; в) о достижениях ребёнка; г) о взаимодействии ребёнка с другими; д) свой вариант:

4. Принимают ли бабушки/дедушки участие в родительских собраниях?
а) постоянно; б) иногда; в) редко; г) никогда
5. Радует ли ребенок встрече с бабушкой/дедушкой?
а) всегда; б) часто; в) иногда; г) редко
6. Необходимо ли, на Ваш взгляд, общение старшего поколения и внуков?
а) да, безусловно; б) иногда это необходимо; в) нет, не нужно
7. В чем, по Вашему мнению, заключаются положительные стороны общения детей со старшим поколением?

8. В чем, по Вашему мнению, заключаются отрицательные стороны общения детей со старшим поколением?

9. Назовите известные Вам сказки о бабушках и дедушках:

10. Назовите известные Вам пословицы, поговорки, потешки, в которых упоминаются бабушки и дедушки:

План беседы-знакомства

1. Имя
2. Возраст
3. Образование
4. Место работы
5. Семейное положение
6. Состав семьи (записывать в порядке упоминания)
7. Как бы Вы охарактеризовали Вашу семью?
8. Как часто Вы общаетесь с членами семьи? С кем общаетесь чаще? С кем особенно близко?

Фигуры методики «Семейная доска»

Схема анализа сказки

1. Название сказки:

- использование прямое указания/ упоминания образа старого человека;
- характеристика этого образа в названии

2. Содержание сказки:

- наличие образа/образов старого человека;
- место образа в повествовании (главный/второстепенный герой; частота появления)

3. Содержание образа

- Описание внешности образа
- эмоциональная характеристика образа
- Функциональная характеристика образа
- Время и место появления образа в повествовании

Сводный протокол анализа индивидуального случая

Общие данные

Имя, возраст, социальный статус, состав семьи.

Геносоциограмма

1. Описание графического компонента (порядок изображения членов семьи, величина значков, цвет, штриховки, дополнительные элементы)
2. Особенности внутрисемейных отношений (коалиции, симбиоз, дружественные/враждебные отношения, частота и характер общения с прародителями)

Кто Я

	«Я»	«Я с бабушкой»	«Я с мамой»
Социальное Я			
Коммуникативное Я			
Материальное Я			
Физическое Я			
Перспективное Я			
Рефлексивное Я			

СЖО

Цели	«Я»	«Я с бабушкой»
Процесс		
Результат		
Локус Я		
Локус Жизни		

Опросник ценностей

	«Я»	«Я с бабушкой»	«Я с мамой»
Конформность			
Традиции			
Доброта			
Универсализм			
Самостоятельность			
Стимуляция			
Гедонизм			
Достижения			
Власть			
Безопасность			

Семейная доска

	«Я»	«Я с бабушкой»	«Я с мамой»
Площадь личн. пространства, см ²			
Удаленность от S, см			
Цвет			
Расположение			
Включенность	-		

Результаты статистического анализа данных по всем испытуемым

Тест «Кто Я»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между SocA и SocB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ComA и ComB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,111	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между MatA и MatB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,023	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PhysA и PhysB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,884	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PerspA и PerspB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,008	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между Ref1A и Ref1B равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,232	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Тест «Смысло-жизненные ориентации»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между GoalA и GoalB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,197	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ProsA и ProsB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,002	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ResA и ResB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,557	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между LocMeA и LocMeB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,048	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между LocLivA и LocLivB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Опросник «Ценностные ориентации»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ConfA и ConfB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,073	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между TradB и TradA равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,002	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между KindA и KindB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,101	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между UnivA и UnivB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,002	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между IndepA и IndepB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,200	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между StimA и StimB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,185	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между GedonA и GedonB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,036	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между AchievA и AchievB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,854	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PowerA и PowerB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,251	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между SafetA и SafetB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,869	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Результаты статистического анализа данных по группе испытуемых с живыми прародителями

Тест «Кто Я»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между SocA и SocB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,001	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ComA и ComB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,673	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между MatA и MatB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,005	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PhysA и PhysB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,801	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PerspA и PerspB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,001	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между RefIA и RefIB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,300	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Тест «Смысло-жизненные ориентации»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между GoalA и GoalB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,450	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ProсA и ProсB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,001	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ResA и ResB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,707	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между LocMeA и LocMeB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,359	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между LocLivA и LocLivB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Опросник «Ценностные ориентации»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ConfA и ConfB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,692	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между TradA и TradB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,050	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между KindA и KindB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,087	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между UnivA и UnivB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,228	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между IndepA и IndepB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,207	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между StimA и StimB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,166	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между GedonA и GedonB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,731	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между AchievA и AchievB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,511	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PowerA и PowerB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,817	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между SafetA и SafetB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,304	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Результаты статистического анализа данных по группе испытуемых с живыми прародителями

Тест «Кто Я»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между SocA и SocB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,038	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ComA и ComB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между MatA и MatB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,047	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PhysA и PhysB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,148	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PerspA и PerspB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,408	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между RefIA и RefIB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,047	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Тест «Смысло-жизненные ориентации»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между GoalA и GoalB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ProcA и ProcB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,647	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ResA и ResB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,430	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между LocMeA и LocMeB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,249	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между LocLivA и LocLivB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,003	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Опросник «Ценностные ориентации»

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между TradA и TradB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между ConfA и ConfB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,736	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между KindA и KindB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,037	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между UnivA и UnivB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между IndepA и IndepB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,028	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между StimA и StimB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,122	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между GedonA и GedonB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между AchievA и AchievB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,627	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между PowerA и PowerB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,177	Нулевая гипотеза принимается.

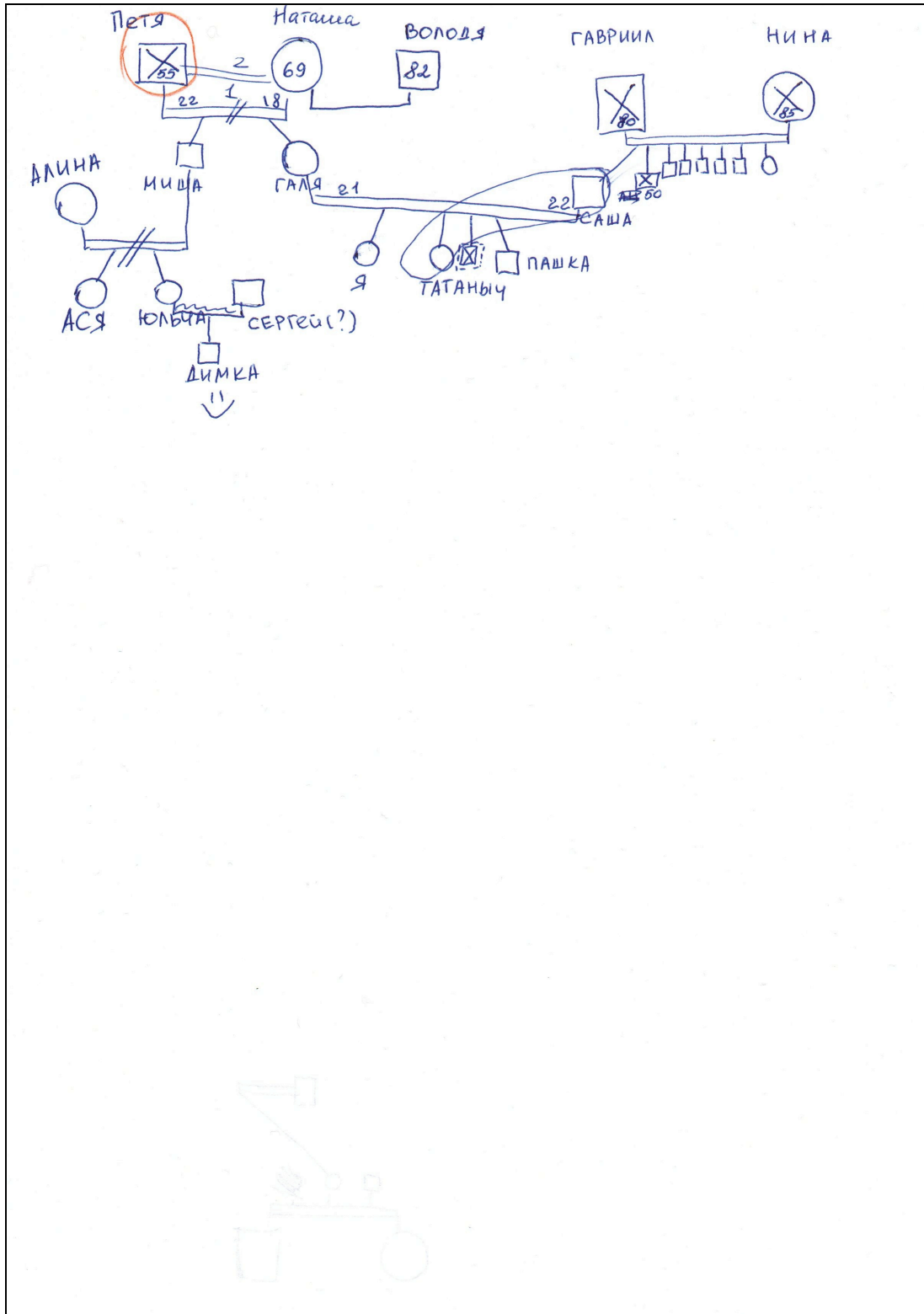
Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

Итоги по проверке гипотезы

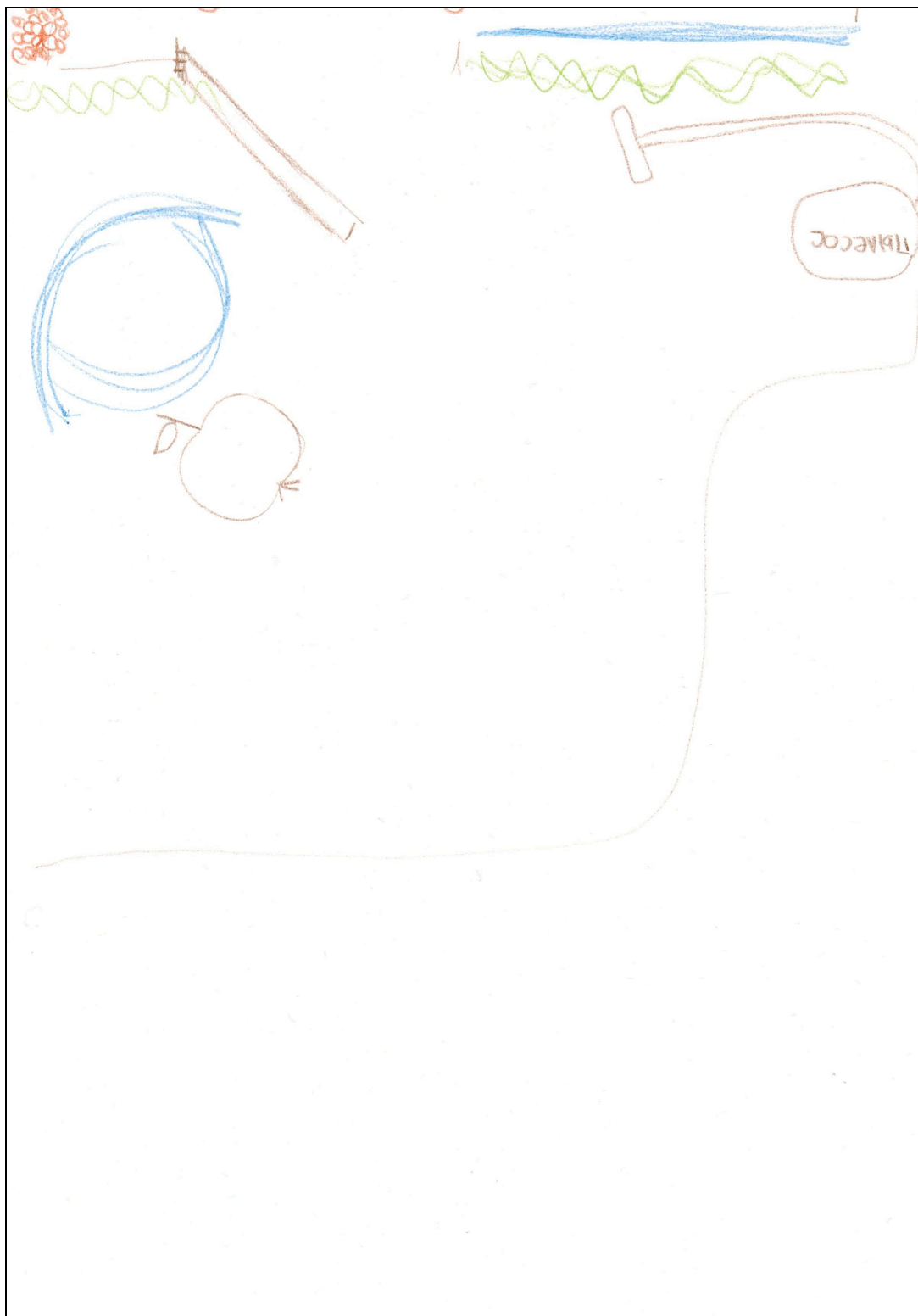
	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Медиана разностей между SafetA и SafetB равна нулю.	Критерий знаковых рангов Вилкоксона для связанных выборок	,160	Нулевая гипотеза принимается.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,05.

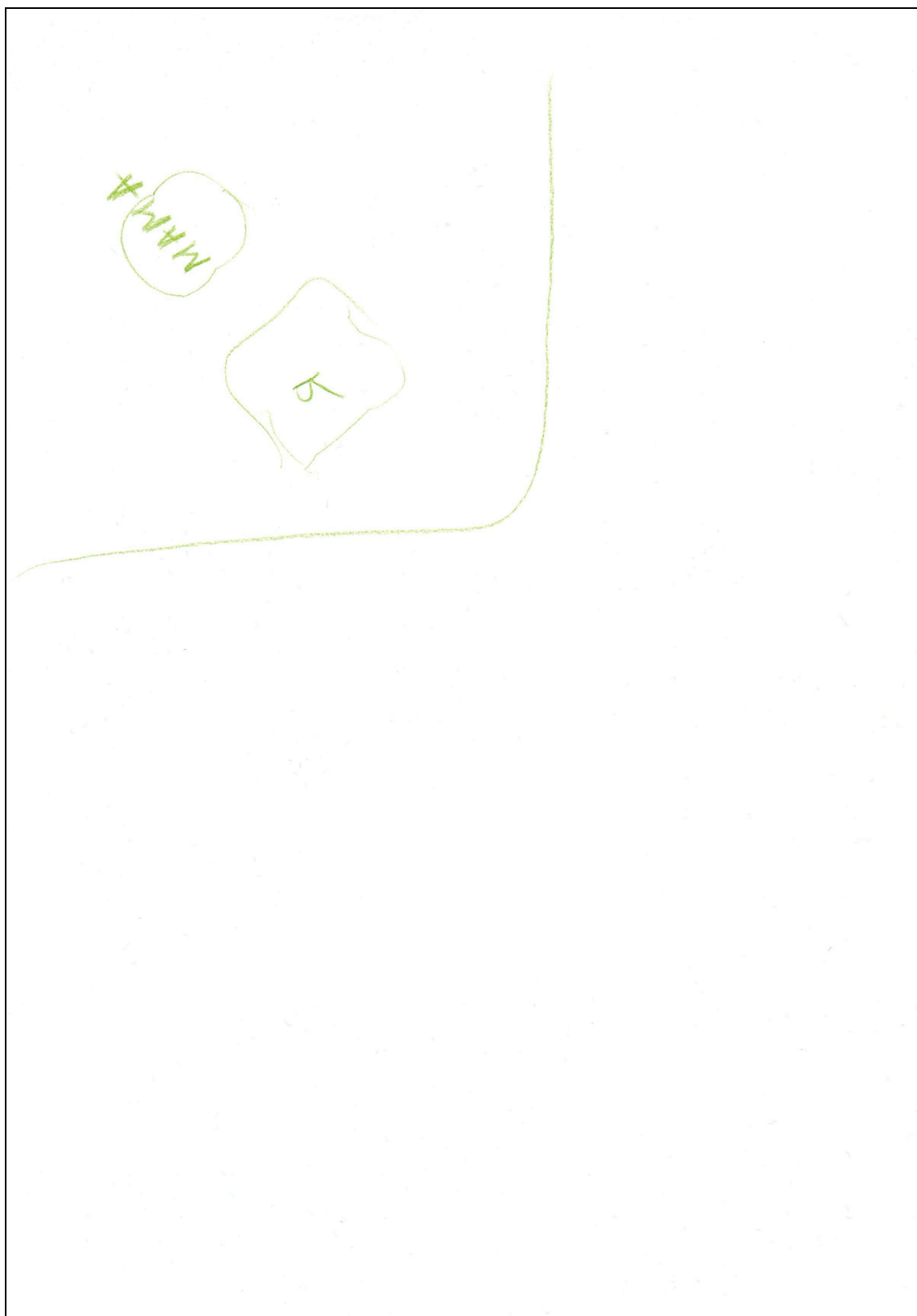
Геносоциограмма Ирины.

Мое личное пространство. Случай Ирины.

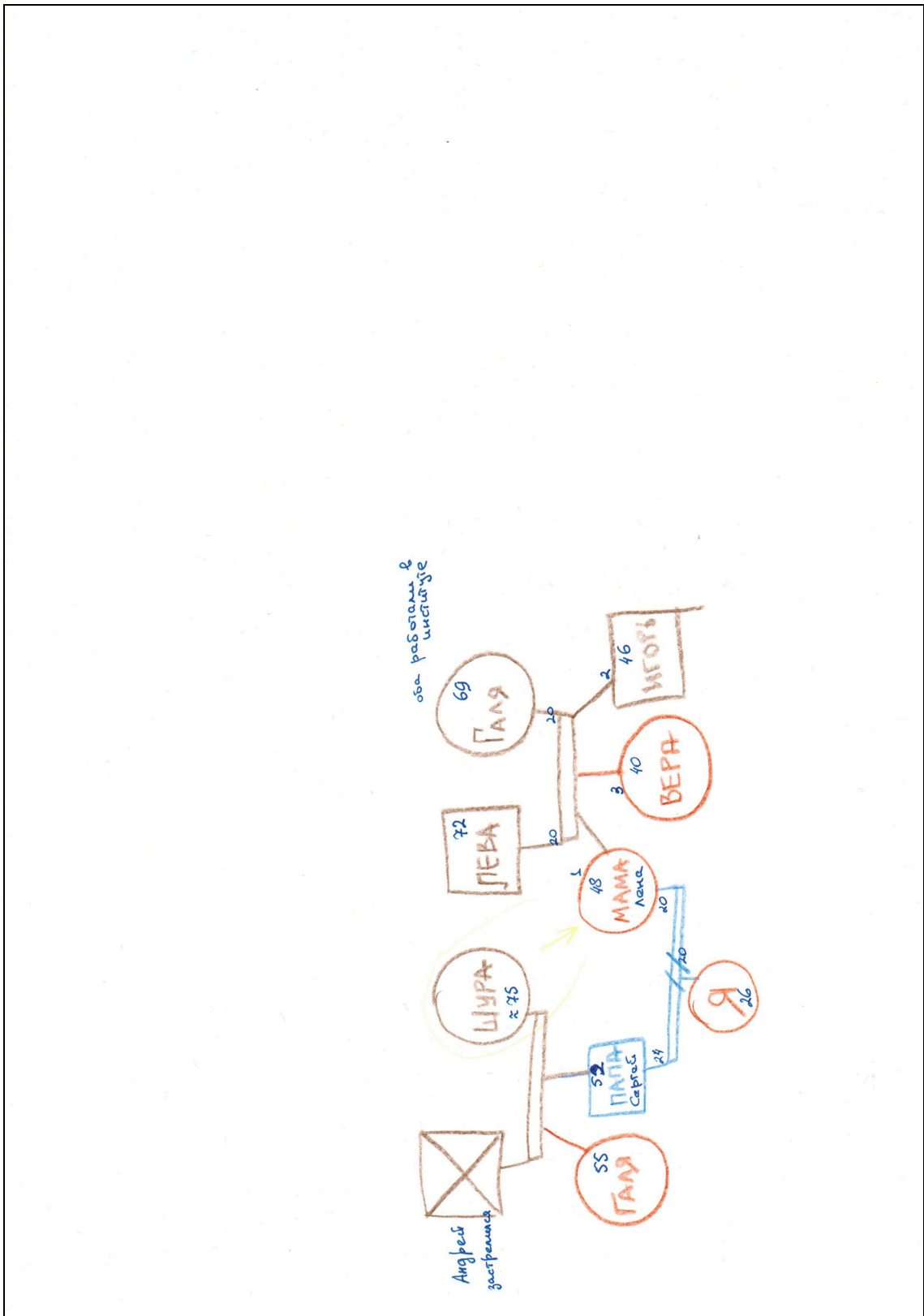
Мое пространство, когда рядом мама. Случай Ирины.

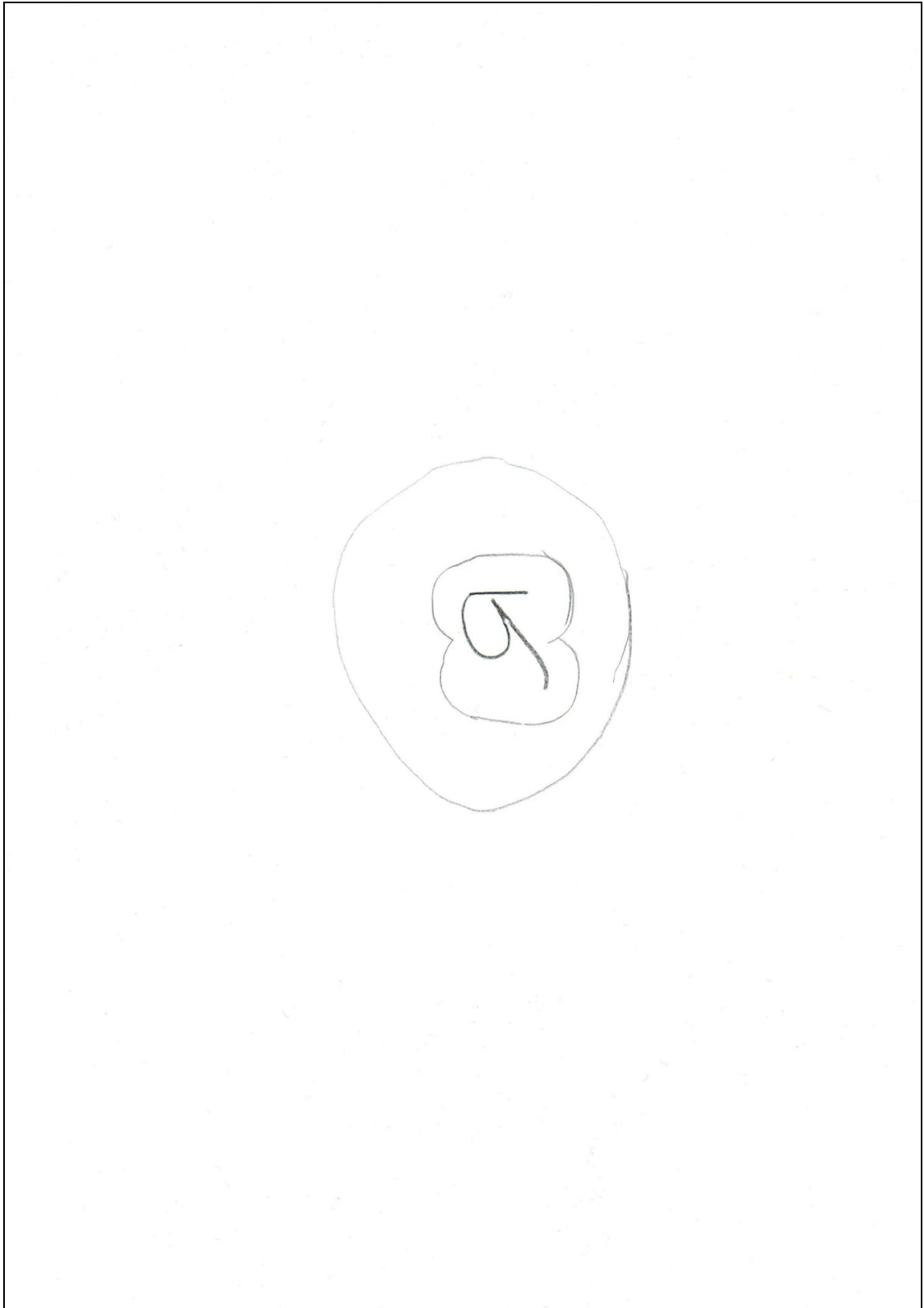
Мое пространство, когда рядом дедушка. Случай Ирины.

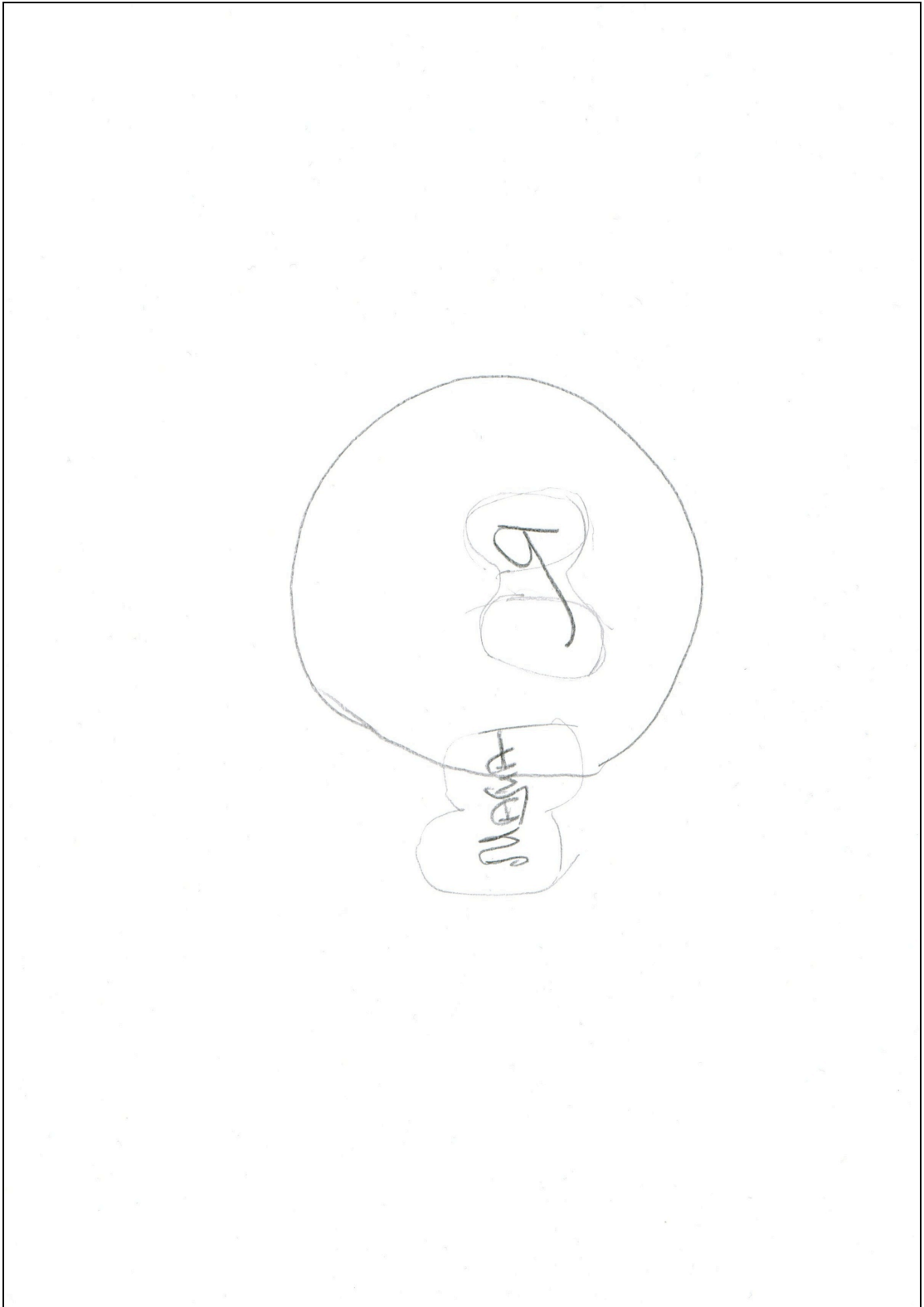
Геносоциогамма Анастасии.

Мое личное пространство. Случай Анастасии.

Мое пространство, когда рядом мама. Случай
Анастасии.

Мое пространство, когда рядом бабушка. Случай Анастасии.

